

ISSN 2712-8040 (print)

LURIAN JOURNAL

2022. Vol. 3. No. 3
lurian.urfu.ru

Lurian Journal. 2022. Vol. 3. No. 3

Established 2019
Published quarterly

Founded by **Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin”**
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Sverdlovsk region, Russia

Supported by:
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia),
Russian Psychological Society
(Moscow, Russia),
Russian Academy of Education
(Moscow, Russia)

Journal Registration Certificate
ПИ № ФС77-77365, as of 10.12.2019

Editorial Board Address:
Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin.
Office 238, 51 Lenin Ave., 620000,
Yekaterinburg, Russia
lurian.journal@urfu.ru
lurian.urfu.ru

Журнал основан в 2019 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования “Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина”**
620002, Россия, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

При поддержке:
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва),
Российского психологического общества
(Россия, Москва),
Российской академии образования
(Россия, Москва)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-77365, от 10.12.2019

Адрес редакции:
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
оф. 238
lurian.journal@urfu.ru
lurian.urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief — Prof. **Elvira E. Symaniuk** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors*: Prof. **Alexander G. Asmolov** (Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University); *Executive Editor*: PhD **Maria V. Zinnatova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editor*: PhD **Olga B. Tomberg** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*.

Editorial Board

Prof. **Tatyana V. Akhutina** (Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University); Prof. **Carla Anauate** (Brazil, San Paulo, Center of Integration of Neuropsychology and Psychology); Prof. **Diana B. Bogoyavlenskaya** (Russia, Moscow, Psychological Institute of Russian Academy of Education); Prof. **Michael Cole** (USA, San Diego, University of California); Prof. **Pavel N. Ermakov** (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University); Prof. **Maria V. Falikman** (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics); Prof. **Bożydar Kaczmarek** (Poland, Lublin, University of Economics and Innovation); PhD **Sergey Y. Kiselev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Bella Kotik-Friedgut** (Israel, Jerusalem, David Yellin Academic College of Education); Prof. **Natalya V. Kozlova** (Russia, Tomsk, National Research Tomsk State University); Clinical Psychologist **Yulia V. Malafeeva** (Russia, Yekaterinburg, Sverdlovsk Regional Clinical Psychiatric Hospital); Prof. **Sergey B. Malykh** (Russia, Moscow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education); Prof. **Katarzyna Markiewicz** (Poland, Lublin, University of Economics and Innovation); Prof. **Yury V. Mikadze** (Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University); PhD **Valentina A. Naumova** (Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatka State University named after Vitus Bering); PhD **Darlyne G. Nemeth** (USA, Baton Rouge,

Редакционная коллегия

Главный редактор — проф. **Э.Э. Сыманюк** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *заместители главного редактора*: проф. **А.Г. Асмолов** (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); *ответственный редактор*: канд. психол. наук **М.В. Зиннатова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редактор перевода*: канд. филол. наук **О.В. Томберг** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *ответственный секретарь*.

Члены редколлегии

Проф. **К. Анауате** (Бразилия, Сан-Паулу, Центр интеграции нейropsychологии и психологии); проф. **Т.В. Ахутина** (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); проф. **Д.Б. Богоявленская** (Россия, Москва, Психологический институт Российской академии образования); проф. **П.Н. Ермаков** (Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет); канд. пед. наук **С.Н. Жеребцов** (Беларусь, Минск, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка); д-р психол. наук **О.В. Защиринская** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Э.Ф. Зеер** (Россия, Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет); проф. **Ю.П. Зинченко** (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); проф. **Б. Качмарек** (Польша, Люблин, Университет экономики и инноваций); канд. психол. наук **Л. Кинтанар Рохас** (Мексика, Тласкала, Автономный университет Тласкалы); проф. **Ж. Кинтино-Айрес** (Португалия, Лиссабон, Институт Выготского); канд. психол. наук **С.Ю. Киселев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н.В. Козлова** (Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет); проф. **Б. Котик-Фридгут** (Израиль, Иерусалим, Педагогический колледж имени Давида Елина); проф. **М. Коул** (США, Сан-Диего, Калифорнийский университет); клинический психолог **Ю.В. Малафеева**

Neuropsychology Center of Louisiana); Prof. **Elena I. Nikolaeva** (Russia, Saint Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen.); Prof., MD **Maria Pąchalska** (Poland, Krakow, Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University); PhD **Anna A. Pecherkina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); MD **Jordi Peña-Casanova** (Spain, Barcelona, Autonomous University of Barcelona); Prof. **Antonio Puente** (USA, Wilmington, University of North Carolina); PhD **Luis Quintanar Rojas** (Mexico, Tlaxcala, Autonomous University of Tlaxcala); Prof. **Joaquim Quintino-Aires** (Portugal, Lisbon, Vygotsky Institute); Prof. **Vitaly V. Rubtsov** (Russia, Moscow, Moscow State University of Psychology and Education); PhD **Alexandra E. Soboleva** (Russia, Moscow, Research Center of Pediatric Neuropsychology named after A.R. Luria); PhD **Yulia Solovieva** (Mexico, Puebla, Autonomous University of Puebla; Mexico, Tlaxcala, Autonomous University of Tlaxcala); PhD **Philippe Thomas** (France, Limoges, University of Limoges); Prof. **Yulia A. Tokareva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Michael S. Yanitsky** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Dr. **Oksana V. Zashchirinskaia** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **Ewald F. Zeer** (Russia, Yekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogic University); PhD **Sergey N. Zhrebtsov** (Belarus, Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank); Prof. **Yuri P. Zinchenko** (Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University).

(Россия, Екатеринбург, Свердловская областная клиническая психиатрическая больница); проф. **С.Б. Малых** (Россия, Москва, Психологический институт Российской академии образования); проф. **К. Маркевич** (Польша, Люблин, Университет экономики и инноваций); проф. **Ю.В. Микадзе** (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); канд. психол. наук **В.А. Наумова** (Россия, Петропавловск-Камчатский, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга); д-р мед. наук **Д.Г. Немет** (США, Батон Руж, Нейропсихологический центр Луизианы); проф. **Е.И. Николаева** (Россия, Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена); проф. **М. Панхальская** (Польша, Краков, Краковская академия им. А.Ф. Моджевского); д-р мед. наук **Ж. Пенья-Казанова** (Испания, Барселона, Автономный университет Барселоны); канд. психол. наук **А.А. Печеркина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Пуэнте** (США, Вилмингтон, Университет Северной Каролины); проф. **В.В. Рубцов** (Россия, Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет); канд. психол. наук **А.Е. Соболева** (Россия, Москва, Научно-исследовательский центр детской нейропсихологии им. А.Р. Лурия); канд. психол. наук **Ю. Соловьева** (Мексика, Пуэбла, Автономный университет Пуэблы; Мексика, Тласкала, Автономный университет Тласкалы); проф. **Ю.А. Токарева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); канд. мед. наук **Ф. Томас** (Франция, Лимож, Университет Лиможа); проф. **М.В. Фаликман** (Россия, Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); проф. **М.С. Яницкий** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет).

СОДЕРЖАНИЕ

Научные исследования

<i>Александр Михайлович Рябков, Юлия Александровна Токарева.</i> Психологические основания распространения криминальной субкультуры среди учащихся, привлеченных к уголовной ответственности.....	9
<i>Жозе да Силва Оливейра Нету, Ана Игнес Белем Лима, Алине Гильерме де Мело, Жанаилсон Монтейро Клариндо, Артур Бруно Фонсека де Оливейра.</i> Субъективация и конституирование личности на основе культурно-исторической теории: анализ клинического случая.....	22

Научная жизнь

<i>Мария Владимировна Зиннатова.</i> Отчет о научном докладе «Особенности дистанционной работы нейропсихолога».....	43
--	----

Молодой ученый

<i>Анастасия Анатольевна Ефимова.</i> Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов разных национальностей.....	49
--	----

Приятного чтения!

CONTENTS

Original Articles

<i>Alexander M. Ryabkov, Yulia A. Tokareva. Psychological Grounds for Spreading Criminal Subculture Among Schoolchildren Brought to Criminal Responsibility.....</i>	<i>9</i>
<i>José da Silva Oliveira Neto, Ana Ignez Belém Lima, Aline Guilherme de Melo, Janailson Monteiro Clarindo, Artur Bruno Fonseca de Oliveira. Subjectivity and Constitution of the Subject in the Cultural-Historical Clinic: An Experience Report.....</i>	<i>22</i>

Scientific Life

<i>Mariya V. Zinnatova. Scientific Report Features of the Neuropsychologist Remote Work.....</i>	<i>43</i>
--	-----------

Young Scientist

<i>Anastasia A. Efimova. Psychological and Pedagogical Support of the Upbringing Activities of Fathers of Different Nationalities.....</i>	<i>49</i>
--	-----------

Enjoy your reading!

ORIGINAL ARTICLES

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психологические основания распространения криминальной субкультуры среди учащихся, привлеченных к уголовной ответственности

Александр Михайлович Рябков

Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний РФ
по Свердловской области,
Екатеринбург, Россия

Юлия Александровна Токарева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Psychological Grounds for Spreading Criminal Subculture Among Schoolchildren Brought to Criminal Responsibility

Alexander M. Ryabkov

Federal Penitentiary Service of the Russian Federation
for the Sverdlovsk region,
Yekaterinburg, Russia

Yulia A. Tokareva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Для цитирования: Рябков, А. М., Токарева, Ю. А. (2022). Психологические основания распространения криминальной субкультуры среди учащихся, привлеченных к уголовной ответственности. *Lurian Journal*, 3(3), 9–21. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.1

To cite this article: Ryabkov, A. M., & Tokareva, Yu. A. (2022). Psychological Grounds for Spreading Criminal Subculture Among Schoolchildren Brought to Criminal Responsibility. *Lurian Journal*, 3(3), 9–21. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.1

Аннотация. Криминальная субкультура выходит далеко за пределы пенитенциарной системы, вовлекая новые социокультурные пространства, оказывая все большее влияние на подрастающее поколение. Традиционно источником распространения элементов

криминальной субкультуры считаются пенитенциарные учреждения, в том числе для несовершеннолетних. Однако каналы ее распространения трансформируются с течением времени. Целью исследования являлось выяснение психологических оснований распространения криминальной субкультуры среди учащихся школ, совершивших уголовные преступления. В исследовании приняли участие ученики Федерального казенного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 ГУФСИН России по Свердловской области» и Федерального казенного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа УФСИН России по Тюменской области», всего 165 подростков. Также 52 ученика общеобразовательных школ Свердловской и Тюменской области, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции. В результате проведенного исследования выявлены две группы психологических оснований: внешние и внутренние. Группа внешних факторов связана с влиянием интернет-пространства, общественной среды, создающих сильный и властный образ, а также семьи и близких, имеющих принадлежность к криминальной сфере. Группа внутренних факторов, связанных с психологическими основаниями, включает: потребность в общении, ценность принадлежности к значимой группе, возможность получать яркие эмоции, ощущения управления и подчинения. Установлено, что значительная часть несовершеннолетних преступников не увлечены тюремной романтикой. Они совершали свои преступления не по идеологическим убеждениям, но при этом разделяли криминальные нормы и ценности.

Ключевые слова: криминальная субкультура; криминальная зараженность; криминальная направленность; учащиеся

Abstract. Criminal subculture goes far beyond the prison system, involving new socio-cultural spaces, exerting an increasing influence on the younger generation. Traditionally, penitentiary institutions, including those for minors, are considered to be the source of the spread of the criminal subculture elements. However, its distribution channels are transformed over time. The aim of the study was to clarify the psychological reasons for the spread of criminal subculture among schoolchildren who have committed criminal offenses. The study involved students of the Federal State Educational Institution *Secondary School No. 2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Sverdlovsk Region* and the Federal State Educational Institution *Secondary School of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tyumen Region*, a total of 165 teenagers. There are also 52 students of secondary schools in Sverdlovsk and Tyumen regions who are registered with the criminal executive inspectorate. As a result of the conducted research, two groups of psychological grounds were identified: external and internal. A group of external factors is associated with the influence of the Internet space, the public environment, creating a strong and domineering image, as well as family and loved ones belonging to the criminal sphere. A group of internal factors related to psychological grounds includes: the need for communication, the value of belonging, the ability to receive vivid emotions, feelings of control and subordination. It is established that a significant part of juvenile offenders is

not driven by romanticizing prison life. They committed their crimes without ideological convictions, at the same time sharing criminal norms and values.

Keywords: *criminal subculture; criminal infection; criminal orientation; schoolchildren*

Введение

В последние годы в России все большее число несовершеннолетних вовлекается в криминальную субкультуру. В образовательных организациях систематически фиксируются случаи правонарушений, совершаемых подростками под лозунгами криминальной идеологии (Дворянская, Панфилов, 2018; Меняйло Д. В., Иванова, Меняйло Л. Н., 2019; Семочкина, 2020). Яркий пример — криминогенная ситуация с подростковой преступностью в Забайкальском крае, где, по мнению независимых экспертов, отдельные детские дома (интернаты) и общеобразовательные школы оказались фактически под властью криминальных группировок, состоящих в основном из таких же несовершеннолетних учеников и бывших выпускников. В учебных заведениях так называемые «смотрящие» собирали с учеников денежные средства, продукты питания, одежду в «воровской общак» (Польшиков, Буданова, 2019). Распространение криминальной субкультуры среди молодежи в современной России достигло таких масштабов, что меры по борьбе с данным явлением принимаются на самом высоком государственном уровне. В 2016 г. в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение криминальной субкультуры среди молодежи было названо угрозой национальной безопасности. Решением Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 г. движение АУЕ («Арестантский уклад един»), радикальная часть криминальной субкультуры, признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории России.

Теоретический анализ психологических оснований распространения криминальной субкультуры показал наличие междисциплинарного подхода. Так, в зарубежной науке одним из первых исследователей криминальной субкультуры был Д. Клеммер. В своем исследовании он установил, что у людей, попавших в места лишения свободы, традиционные верования, отношения и ценности замещаются культурными ценностями тюрьмы и стиля жизни осужденных. Заключенные усваивают нормы тюремной жизни и способы жизнедеятельности внутри социальной системы заключенных (Clemmer, 1940). Американский социолог Р. Мертон в 1938 г. опубликовал статью «Социальная структура и аномия», одна из главных идей которой заключалась в том, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения по установленным обществом правилам (цит. по: Плотников, 2018). Р. Клаурд и Л. Оулин объясняют причины криминальной субкультуры отличием ценностей низших слоев от ценностей среднего класса, лежащих в основе кодексов и законов общества. Такой конфликт приводит к тому, что ценности низшего класса автоматически ведут к нарушениям закона (цит.

по: Верон, 1980). Современные зарубежные психологи интерес и вовлеченность подростков связывают с потребностью в принадлежности к сильной группе и яркому лидеру, которому «закон не писан», он сам формирует законы и принципы взаимодействия.

В отечественной психологической науке криминальной субкультуре подростков уделяется большое внимание. Наиболее известным исследователем в этой области является В. Ф. Пирожков (1994), который в своих работах описал криминальную субкультуру учащихся-подростков и юношей. Современная отечественная наука исследует в области криминальной субкультуры следующие проблемы: влияние криминальной субкультуры на становление личности подростков (Волоскова, Болотова, 2010; Денисов, 2002; Кошенова, Краюшкина, 2019; Мухина, Басюк, Проценко, 2013); совершенствование профилактики криминальной субкультуры среди несовершеннолетних (Аксенова, Полянин, Филиппова, 2016; Поздняков, Дебольский, Дикопольцев, Москвитина, Чернышкова, 2015; Федосеев, 2007; Шредер, 2018); противодействие популяризации криминальной субкультуры среди молодежи (Антонян, Борисов, 2017).

Криминальная субкультура противопоставляет криминальный образ жизни общепринятым социальным нормам и ценностям. Ряд исследователей указывают, что криминальная субкультура существует в форме устойчивого набора паттернов: отказ от учебы и профессии как социально значимых видов деятельности (или формальное, ритуалистическое отношение к ним), стремление к быстрому достижению материального успеха противоправным путем или с помощью «везения», социальный паразитизм, отсутствие продуктивных увлечений (спорт, творчество, учеба и т. п.), использование агрессии и эксплуатации в качестве доминирующих стратегий в межличностных отношениях, преклонение перед насилием и презрение к интеллекту и высокой культуре, регуляция поведения на основе «понятий» (девиантная ценностно-нормативная матрица), употребление алкоголя и наркотиков, примитивизация лексикона и активное использование ненормативной лексики (Польшиков, Буданова, 2019). Нормы криминальной субкультуры в значительной степени категоричны и могут носить агрессивный характер в отношении некоторых групп, например, в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений сексуального характера (Tokareva, Dzuman, 2021). Одним из факторов, способствующих вовлечению подростков в контркультуры, некоторые исследователи называют низкий уровень развития рефлексии (Вукова, 2022).

Таким образом, психологическими основами формирования криминальной субкультуры служат как внешние, так и внутренние факторы. Внешние факторы связаны с развитием и транслированием подрастающему поколению определенных общественных ценностей, привлекательности асоциальности как самостоятельности и свободы. Внутренние — это возрастные особенности подростков, закономерности развития личности в данном возрасте и потребность в самовыражении. Более детального исследования психологических особенностей в современной науке

не выявлено. Также не обнаружено исследований, раскрывающих распространение криминальной субкультуры среди учеников школ, привлеченных к уголовной ответственности.

Методы

В исследовании, направленном на изучение психологических основ распространения криминальной субкультуры среди учеников школ, привлеченных к уголовной ответственности, приняли участие ученики Федерального казенного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 ГУФСИН России по Свердловской области» и Федерального казенного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа УФСИН России по Тюменской области», всего 165 подростков. В данных школах обучаются подростки, совершившие уголовные преступления и приговоренные к лишению свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии (далее — ВК). Также в исследовании приняли участие 52 ученика общеобразовательных школ Свердловской и Тюменской области, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ). Данная группа включала подростков, которые совершили уголовные преступления, но получили наказание условно и остались на свободе. Исследование проходило в форме опроса, анализа личных дел.

В уголовно-исполнительной системе для оценки степени криминальной зараженности подростков, поступающих в учреждения ФСИН России, разработан и используется «Опросник криминальной зараженности несовершеннолетних» (далее — ОКЗН) (Рябков, Степанова, Муслумов, 2022). Данный опросник оценивает степень криминальной зараженности по набору характерных маркеров, который был определен сотрудниками УИС (уголовно-исполнительной системы) на основании многолетнего опыта работы.

Данный набор включает в себя следующие маркеры:

- знание, понимание и использование криминального жаргона;
- наличие криминального прозвища и использование криминальных прозвищ в процессе общения;
- наличие знаний о значении тюремных татуировок, желание их нанести и наличие самих тюремных татуировок;
- негативное отношение к сотрудникам полиции и запрет на обращение к ним за помощью;
- увлечение тюремной романтикой, интерес к песням о тюремной романтике и историям о криминальных авторитетах и тюрьмах;
- положительное отношение к отбыванию наказания в местах лишения свободы;
- ориентирование на криминальных авторитетов в качестве примеров для подражания;

- наличие знаний о процессе отбывания наказания и негласных правилах поведения в местах лишения свободы;
- знание арестантского уклада и стремление его придерживаться;
- владение информацией о движении АУЕ, положительное отношение к нему и участие в данном движении;
- распространение знаний о криминальных нормах и ценностях;
- общение в криминальных кругах и наличие друзей из криминальных кругов;
- направленность на совершение преступлений (Рябков и др., 2022).

Результаты

Анализ внешних факторов распространения криминальной субкультуры показал, что большинство подростков имеют принадлежность к асоциальным группам. Все они воспитывались в неполных и неблагополучных семьях. Почти половина подростков из исследуемой группы имеют одного из родителей с судимостью. Согласно результатам исследования, значительная часть подростков, как отбывающих наказания в ВК, так и отбывающих наказание условно, имеют татуировки — 36 % (ВК — 41 %, УИИ — 21 %). При этом татуировки с криминальной символикой выявлены у гораздо меньшей части подростков — 5 % (ВК — 6 %, УИИ — 2 %). Сотрудники различных правоохранительных органов Свердловской и Тюменской областей в последние годы отмечают тенденцию к снижению числа подростков, имеющих татуировки с криминальной символикой. Криминальные татуировки становятся менее значимыми по сравнению с другими атрибутами криминальной субкультуры.

Анализ внутренних факторов показал, что 100 % подростков испытывают интерес к ценностям криминальной субкультуры.

На использование криминального жаргона в общении с окружающими указали 16 % (УИИ — 39 %, ВК — 11 %). При этом большая часть опрошенных отметили, что используют слова криминального жаргона преимущественно в общении с друзьями и сверстниками.

На прослушивание музыкальных произведений, пропагандирующих тюремную романтику, указали 23 % (ВК — 22 %, УИИ — 29 %). При этом стоит отметить, если ранее среди песен о тюремной романтике и криминальном образе жизни подростки чаще всего упоминали песни в стиле «шансон», то в настоящее время они чаще увлекаются рэп-исполнителями, такими как Руслан Черный, Мафик, группа «Каспийский груз».

На вопрос о том, откуда узнали о криминальной субкультуре, криминальных нормах и традициях, подростки чаще всего отвечают: из интернета и социальных сетей — 35 % (ВК — 35 %, УИИ — 35 %); от друзей и знакомых — 31 % (ВК — 27 %, УИИ — 44 %); от лиц, ранее отбывавших наказание, — 10 % (ВК — 10 %, УИИ — 12 %); из средств массовой информации — 6 % (ВК — 4 %, УИИ — 12 %) (рис. 1).

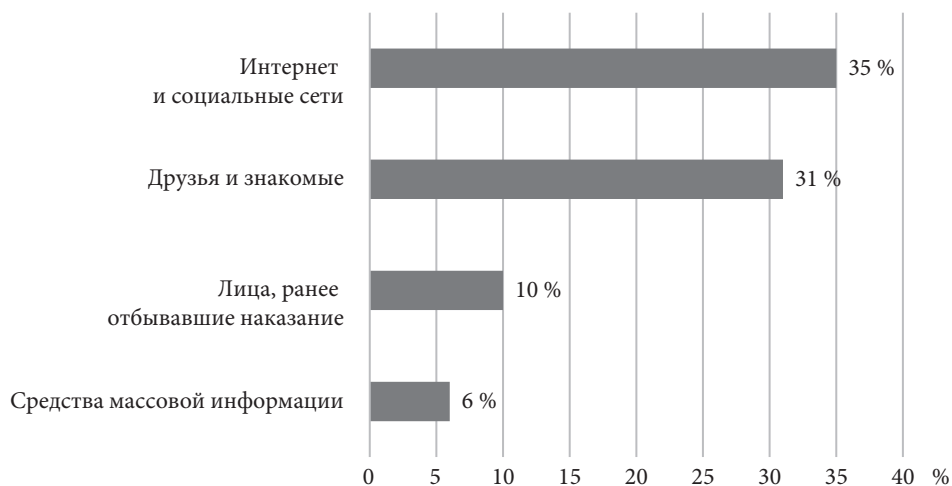

Рис. 1. Источники информации о криминальной субкультуре, $n = 217$

На вопрос о том, какие элементы криминальной субкультуры используют в настоящее время, все подростки, отбывающие наказание в ВК, ответили, что не используют ничего подобного. В то время как школьники, совершившие преступления и отбывающие наказание условно, называли: использование в речи слов криминального жаргона — 58 %; обращение друг к другу по прозвищам — 54 %; прослушивание музыкальных произведений, пропагандирующих тюремную романтику и криминальный образ жизни, — 30 %; нанесение криминальных татуировок — 18 % (рис. 2).

Рис. 2. Распространенность элементов криминальной субкультуры среди школьников, совершивших уголовные преступления, но получивших наказание в виде лишения свободы условно, $n = 54$

На вопрос, распространены ли среди вашего окружения неофициальные законы, нормы и традиции, утвердительно ответили: ВК — 4 %, УИИ — 65 % (рис. 3). Такое различие в результатах ответов на данный вопрос можно объяснить как социальной желательностью ответов, так и тем, что в ВК проводится целенаправленная работа по профилактике криминальной субкультуры со стороны сотрудников различных отделов, служб и проявление каких-либо ее атрибутов чаще всего сразу пресекается.

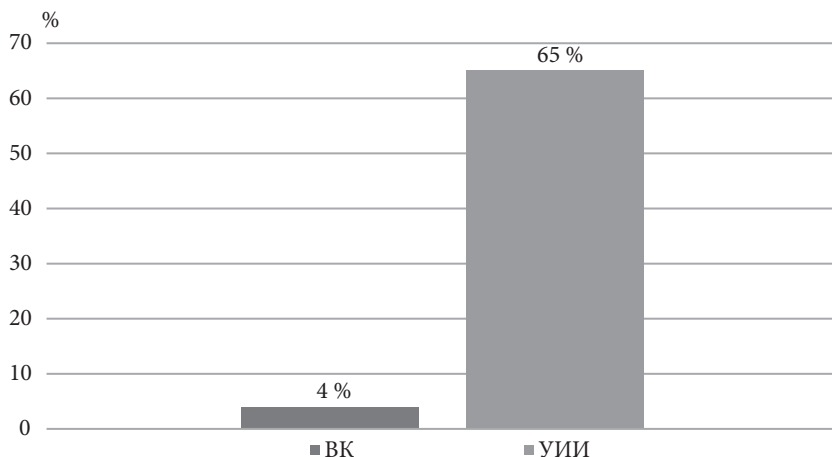

Рис. 3. Показатели распространенности криминальных правил среди несовершеннолетних, $n = 217$

Таким образом, установлено, что значительная часть несовершеннолетних преступников не увлечены тюремной романтикой. Они совершали свои преступления, скорее всего, не по идеологическим убеждениям. Однако в то же время большая часть подростков, совершивших преступления, разделяют криминальные нормы и ценности.

Обсуждение

В процессе проведенного исследования было выявлено, что меньше половины подростков, совершающих уголовные преступления, заражены криминальной субкультурой. Поэтому при профилактике правонарушений среди несовершеннолетних важно дифференцировать понятия криминальной направленности и криминальной зараженности.

Некоторые авторы, например В. М. Труш и Н. Д. Гомонов (2017), рассматривают криминальную зараженность и криминальную направленность как тождественные понятия, употребляют их как синонимы. Однако опыт работы в исправительных учреждениях показывает, что данные понятия, при том, что они близко взаимосвязаны друг с другом, все-таки имеют разную смысловую нагрузку. Чаще всего наличие криминальной зараженности несовершеннолетнего говорит о наличии

у него криминальной направленности, и наоборот, однако имеются случаи, когда подросток, имеющий криминальную направленность, может быть криминально не заражен и в то же время криминально зараженный подросток может не совершать уголовных преступлений. Поэтому наличие криминальной зараженности в значительной степени повышает вероятность совершения преступлений, но не всегда выступает причиной их совершения.

В научной литературе термин «криминальная направленность» личности используется в контексте изучения проблемы девиантного поведения. Так, Ю. А. Клейберг (2013) рассматривает ее как психологическое основание криминальной (девиантной) социализации личности. То есть криминальная направленность определена как предпосылка к совершению преступления. Основываясь на этом суждении и опираясь на определение направленности личности (Мещеряков, Зинченко, 2009), под криминальной направленностью можно понимать устойчивую (трансситуативную) устремленность мыслей, чувств и поступков человека, которая является следствием доминирования определенных (главных, ведущих) мотиваций и проявляется в противоправном (уголовно наказуемом) поведении.

Криминальная же зараженность характеризует вовлеченность несовершеннолетнего в криминальную (тюремную) субкультуру и выражается: (1) в сформированной системе знаний об элементах криминальной (тюремной) субкультуры; (2) в принятии и разделении криминальных (тюремных) норм, традиций и ценностей; (3) в следовании им в своем поведении, а также дальнейшем транслировании их в межличностном взаимодействии (Рябков, Степанова, Муслумов, 2021).

Таким образом, криминальная направленность в большей степени характеризует склонность к совершению уголовных преступлений, а криминальная зараженность характеризует степень вовлеченности несовершеннолетнего в криминальную или тюремную субкультуру.

Подтверждением нетождественности понятий «криминальная зараженность» и «криминальная направленность» является тот факт, что, проникая в культуру современного общества, криминальная субкультура становится обыденной нормой жизни, в том числе и среди людей, которые не имеют криминальной направленности, не совершают преступлений. Так, М. И. Кошенова и Е. А. Краюшкина (2019) указывают, что «элементами уголовного жаргона (арго) владеют россияне с разным образовательным цензом и социальным статусом (и школьник, и вузовский профессор, и депутат, и член правительства)» (с. 92).

Анализируя соотношение криминальной направленности и криминальной зараженности у учащихся образовательных учреждений, можно выделить ряд особенностей. Практически в каждой школе есть подростки, которые, как правило, состоят на внутришкольном или профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Изолировать таких учеников от остальных невозможно и нецелесообразно с точки зрения смысла общего и индивидуального предупреждения. Именно такие подростки являются нигилистами с низким уровнем правосознания; в большинстве случаев независимо от воздей-

ствия взрослых лиц и других факторов эти подростки совершают противоправные действия и вовлекают других учеников в антиобщественную деятельность (Польшиков, Буданова, 2019). Такие подростки более всего склонны к совершению правонарушений и обладают криминальной направленностью. При этом среди них есть ученики из социально неблагополучных семей, эти подростки уже заражены криминальной субкультурой и представляют наибольшую опасность. Зачастую совершаемые ими правонарушения из спонтанных превращаются в преступления, подкрепленные криминальной идеологией.

В то же время можно выделить группу учащихся, для которых увлечение криминальной субкультурой носит игровой характер. Такие подростки обычно принадлежат к социально благополучным слоям населения, их родители имеют возможность обеспечить им достаточно перспективное будущее. В силу определенных причин эти подростки увлекаются криминальной субкультурой, демонстрируя и используя ряд ее элементов. Однако в большинстве своем они не склонны к совершению преступлений, не обладают криминальной направленностью. Со временем они легко отказываются от своих подростковых увлечений тюремной романтикой.

Используемый в исследовании опросник не позволяет дать всестороннюю оценку психологических основ распространения криминальной субкультуры и формирования интереса к асоциальному образу жизни. В связи с этим перспективным направлением может стать разработка психодиагностического инструментария для оценки криминальной зараженности учащихся образовательных учреждений. Описанный выше набор маркеров в определенной степени является специфичным для закрытых исправительных учреждений и не совсем подходит для оценки криминальной зараженности учащихся. ОКЗН содержит термины, знакомые преступному миру, но не известные широкой общественности. Использование данной методики в исходном виде в образовательных учреждениях может вызвать нежелательный интерес к теме криминальной субкультуры со стороны правопослушных учащихся.

Основной вывод нашего исследования: психологическим основаниям распространения криминальной субкультуры является ее внешняя привлекательность, которая заключается в наличии сильных, агрессивных, властных, влиятельных видов взаимодействия с окружающим миром. Среди выявленных факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру, можно выделить антиобщественное поведение семьи, присутствие судимых родственников, проживание или времяпрепровождение в неблагополучных районах города с устойчивыми преступными традициями, принадлежность к уличным неформальным группировкам несовершеннолетних и лиц молодежного возраста. Кроме того, наблюдаемая в последние несколько лет тенденция к романтизации образа преступника в художественных фильмах и сериалах, показываемых по телевидению, в передачах и ток-шоу также может стать фактором, детерминирующим преступления (Багаутдинова, 2008). В нашем исследовании обнаружено, что к каналам распространения криминальной субкультуры в среде подростков в настоящее время добавляются интернет и социальные сети.

Заключение

Интерес к криминальной субкультуре растет за счет ее внешней привлекательности, власти и влиятельности. Внутренними условиями распространения криминальной субкультуры являются криминальная направленность и криминальная зараженность, которые формируются в процессе становления личности подростка и имеют тенденцию к закреплению.

Проведенное исследование выявило две группы психологических оснований распространения криминальной субкультуры: *внешние факторы*, связанные с социальным окружением, средой взаимодействия, доступностью асоциальности, которые способствуют формированию криминальной зараженности; *внутренние факторы*, связанные с такими психологическими основаниями, как возрастные особенности, потребность в самовыражении, ценность принадлежности к значимой группе, реализация возможности получать яркие эмоции. Установлено, что среди учащихся, совершивших преступления и привлеченных к уголовной ответственности, наиболее распространенными элементами криминальной субкультуры являются использование прозвищ, использование в речи слов криминального жаргона, прослушивание музыкальных произведений, романтизирующих криминальный образ жизни. Среди каналов распространения криминальной субкультуры в среде подростков в настоящее время все большую роль играют интернет и социальные сети.

При профилактике правонарушений среди учащихся важно дифференцировать их криминальную зараженность и криминальную направленность. Также для профилактики правонарушений среди учащихся перспективным направлением представляется разработка психодиагностического инструментария, направленного на оценку их криминальной зараженности.

Литература

- Аксенова, П. Ю., Полянин, Н. А., Филиппова, Ю. М. (2016). *Предупреждение распространения криминальной субкультуры в воспитательных колониях ФСИН России: практические рекомендации*. Рязань: Академия ФСИН России.
- Антонян, Е. А., Борисов, Е. А. (2017). К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи. *Lex russica (Русский закон)*, 12(133), 180–186.
[https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.180–186](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.180-186)
- Багаутдинова, А. Р. (2008). Криминальная субкультура и массмедиа. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 4(31), 52–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11744440>
- Верон, Ф. (1980). *Введение в криминологию* [Учебник]. Москва: Прогресс.
- Волоскова, Н. Н., Болотова, О. В. (2010). Психологическая коррекция влияния криминальной субкультуры на развитие личности подростка. *Сибирский педагогический журнал*, 5, 157–164. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18038706>

- Дворянская, И. В., Панфилов, Е. Е. (2018). Криминальная субкультура несовершеннолетних как девиантогенный фактор. В кн.: А. И. Долгова (ред.), *Криминальные реалии, реагирование на них и закон* (с. 225–233). Москва: Российская криминологическая ассоциация.
- Денисов, Н. Л. (2002). Влияние криминальной субкультуры на становление личности несовершеннолетнего преступника (Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук). Москва. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002933865>
- Клейберг, Ю. А. (2013). Криминальная девиантность подростково-молодежных субкультур. *Общество и право*, 3(45), 281–286.
URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21012947&ysclid=ldinp1xmjr424515709>
- Кошенова, М. И., Краюшкина, Е. А. (2019). Представления подростков «группы риска» о криминальной субкультуре как ресурсе идентичности. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*, 1, 91–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39547229>
- Меняйло, Д. В., Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н. (2019). АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 107–111. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10145>
- Мещеряков, Б. Г., Зинченко, В. П. (Ред.). (2009). *Большой психологический словарь* (4-е изд.). Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Мухина, В. С., Басюк, В. С., Проценко, Л. М. (2013). Поиски условий, содействующих преодолению ценностных ориентаций делинквентных подростков на криминальную субкультуру. *Развитие личности*, 3, 120–121. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21431556>
- Пирожков, В. Ф. (1994). Законы преступного мира молодежи: криминальная субкультура. Тверь: Приз.
- Плотников, В. В. (2018). Перспективы применения теории социальной аномии Р. Мертон в исследовании проблем современного общества. *Общество и право*, 4(66), 170–174. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36645862>
- Поздняков, В. М., Дебольский, М. Г., Дикопольцев, Д. Е., Москвитина, М. М., Чернышкова, М. П. (2015). *Профилактика криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, подозреваемых, обвиняемых*. Москва: ФКУ НИИ ФСИН России.
- Польшиков, А. В., Буданова, Е. А. (2019). Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2, 249–255.
URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?ysclid=ldjwazychv475792952&id=38500104>
- Рябков, А. М., Степанова, Е. С., Муслумов, Р. Р. (2021). Разработка методики оценки уровня криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в учреждениях УИС России. *Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики»* (с. 133–136). Новокузнецк: Издательство Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47303828&pf=1>
- Рябков, А. М., Степанова, Е. С., Муслумов, Р. Р. (2022). Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Прикладная юридическая психология*, 2(59), 77–86.
URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49192623>

- Семочкина, А. А. (2020). АУЕ как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу. *Вестник экономической безопасности*, 6, 154–158. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10372>
- Труш, В. М., Гомонов, Н. Д. (2017). Криминогенная зараженность личности преступника: понятие, основание и реализация. *Юридические исследования*, 12, 35–63.
URL: http://e-notabene.ru/lr/article_24714.html
- Федосеева, А. А. (2007). Социально-педагогическая коррекция криминальной субкультуры. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология*, 3, 355–358. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11933865>
- Шредер, О. Б. (2018). Профилактика деструктивных явлений и проявлений криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях. *Прикладная юридическая психология*, 3(44), 68–79.
URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36276737>
- Bykova, E. A. (2022). Reflection as a Factor in the Success of Learners' Innovative Activity. *Lurian Journal*, 3(1), 36–45. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2022.3.1.3>
- Clemmer, D. (1940). *The prison community*. Boston: Christopher Publishing House.
- Tokareva, Yu. A., & Dzuman, E. M. (2021). Personal Attitudes of Young Men Prosecuted for Commission of Sexual Offences. *Lurian Journal*, 2(2), 86–96. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2021.2.2.6>

Оригинал статьи получен 2 августа 2022

Исправленная статья принята 10 января 2023

Об авторах:

Рябков Александр Михайлович, старший психолог межрегионального отдела психологической работы, Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Свердловской области, Екатеринбург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-1785-0795>; saintal@inbox.ru

Токарева Юлия Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-8868-7833>; kafedrasaip@rambler.ru

About the authors:

Ryabkov Alexander M., Senior Psychologist of the Interregional Department of Psychological Work, Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-1785-0795>; saintal@inbox.ru

Tokareva Yulia A., Doctor in Psychology, Professor, Head of the Department of Personnel Management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-8868-7833>; kafedrasaip@rambler.ru

Subjectivity and Constitution of the Subject in the Cultural-Historical Clinic: An Experience Report

José da Silva Oliveira Neto

Ceará Federal University (UFC),
Fortaleza, Ceará, Brazil,
University of Quixeramobim (UNIQ),
Quixeramobim, Ceará, Brazil

Ana Ignez Belém Lima

University of Santiago de Compostela,
Santiago de Compostela, Spain,
Ceará State University (UECE),
Fortaleza, Ceará, Brazil

Aline Guilherme de Melo

Ceará State University (UECE),
Fortaleza, Ceará, Brazil

Janailson Monteiro Clarindo

Ceará Federal University (UFC),
Fortaleza, Ceará, Brazil

Artur Bruno Fonseca de Oliveira

Ceará State University (UECE),
Fortaleza, Ceará, Brazil

Субъективация и конституирование личности на основе культурно-исторической теории: анализ клинического случая

Жозе да Силва Оливейра Нету

Федеральный университет Сеара (UFC),
Форталеза, Сеара, Бразилия,
Университет Киксерамобим (UNIQ),
Киксерамобим, Сеара, Бразилия

Ана Игнес Белем Лима

Университет Сантьяго-де-Компостела,
Сантьяго-де-Компостела, Испания,
Государственный университет Сеара (UECE),
Форталеза, Сеара, Бразилия

Алине Гильерме де Мело

Государственный университет Сеара (UECE),
Форталеза, Сеара, Бразилия

Жанаилсон Монтейро Клариндо

Федеральный университет Сеара (UFC),
Форталеза, Сеара, Бразилия

Артур Бруно Фонсека де Оливейра

Государственный университет Сеара (UECE),
Форталеза, Сеара, Бразилия

To cite this article: Oliveira Neto, J. da S., Lima, A. I. B., Melo, A. G. de, Clarindo, J. M., & Oliveira, A. B. F. de (2022). Subjectivity and Constitution of the Subject in the Cultural-Historical Clinic: An Experience Report. *Lurian Journal*, 3(3), 22–39. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.2

Abstract. Cultural-Historical Psychology, developed by Lev S. Vygotsky, is a complex theory which responds to contemporary clinical needs, since it considers social relations and subjectivity as a historical process. This experience report aims to point out the clinical paths built and carried out with a patient from the Applied Psychology Service (APS) of a public university in the state of Ceará, during a Cultural-Historical psychotherapy process. All ethical procedures were followed and this study was based on a qualitative perspective in psychology, and also, case study was used as a methodological approach, considering that it allows greater detail and deepening about the studied object. From the studied case and the interventions carried out by the psychologist, changes were noticed in both the patient's subjective dynamics and his way of life, as a result of the psychotherapeutic mediation on the mentioned approach. Thus, the present article is among the few clinical

studies about Cultural-Historical Psychology, adding up to the greater promotion and production in this field.

Keywords: *Cultural-Historical Clinical Psychology; Cultural-Historical Psychology; subjectivity; Lev S. Vygotsky*

Аннотация. Культурно-историческая психология, основоположником которой является Л. С. Выготский, представляет собой сложную теорию, отвечающую современным потребностям клинической практики, поскольку рассматривает социальные отношения и субъектность в ходе культурно-исторического процесса. Анализ случая пациента Службы прикладной психологии (APS) Государственного университета Сеара (Бразилия), представленный в данной статье, демонстрирует клиническую работу в рамках психотерапии с позиций культурно-исторической теории. Качественный анализ предворяется методологическими рассуждениями, позволяющими глубже понять изучаемый объект. В результате оказанного психотерапевтического воздействия с применением подходов и методов культурно-исторической теории были отмечены изменения как в субъектной динамике пациента, так и в его образе жизни. Таким образом, одно из немногих клинических исследований с позиций культурно-исторической теории будет способствовать более активной работе в этом направлении.

Ключевые слова: *культурно-историческая клиническая психология; культурно-историческая психология; субъективизация; Л. С. Выготский*

Introduction

Modernity imposes new horizons and new challenges for the constitution of social relations and, therefore, for the (re)structuring of subjectivity (Portela, 2008). Mészáros (2011) points out that, in view of the complexity of capital in new ways, social relations have been set aside and stiffened in relation to aspects of human genericity — those which define the humanization complex of man. For Portela (2008), thinking about new conditions of subjectivization is thinking about a new subject in contemporaneity, in which some notions such as intersubjectivity, dialogy and ecology must be considered.

Therefore, this paper discusses the clinic as a path for the subjective constitution of a new subject — crossed by contemporary historical and social influences. New arrangements demand new possibilities for reflection and application in psychology. Nunes, Fernandes and Gutierrez (2014) outline that the Cultural-Historical Psychology of Lev Vygotsky (1896–1934) is a theoretical system in psychology strong enough to handle the process of material and concrete life, given that it is based on dialectical and historical materialism by Karl Marx (1818–1883) and which keeps on interesting contemporary researchers, mainly due to its methodological rigor.

Despite the fact that Cultural-Historical Psychology has been silenced for a long time in Brazil and, therefore, not properly studied, some solid theoretical perspectives have been structured. But can Cultural-Historical Psychology be constituted as a clinical

theory? Vygotsky was also a clinician, although the Vygotskian clinical approach did not constitute a setting, such as psychotherapy nowadays. He developed studies on clinical paedology and defectology, in which he researched the development of children with developmental problems (Vygotsky, 1997). It was made up of a context of investigation and research about the human's various dimensions (Clarindo, 2020). Also, it is worth noting that Vygotsky dedicated himself to the study of other topics in the clinical field, such as schizophrenia, aphasia and hysteria (Silva & Tuleski, 2015).

This article defends Cultural-Historical Psychology as a theoretical system in psychology with clinical application and able to explain and deal with nuances of the psyche and subjectivity. In this scenario, the process of awareness is characterized as the central object of the clinic. Vygotsky (1929/2000) defined his theory as a "Height" Psychology, that is, the theory of consciousness — what is considered typically human.

Some studies (Almeida & Schühli, 2010; Clarindo, 2020; González-Rey, 2007; Lima & Carvalho, 2013; Marangoni, 2007) have already proposed a Cultural-Historical clinical understanding, and the development of new clinical studies is still necessary, considering a correct relationship between the theoretical-practical aspects (praxis) of the approach. It is urgent that current studies show how a Vygotskian psychotherapeutic process takes place, pointing out interventions and clinical management associated with the theoretical and methodological model.

To this end, the case study will be used as a methodological path in the present study, more specifically referring to a psychotherapeutic follow-up carried out with a patient from the teaching clinic of a public university in Ceará. We consider it opportune to start with reflections on the theoretical-methodological groundings which establishes the Cultural-Historical clinic.

Subjectivity and Cultural-Historical Clinic: Theoretical and Epistemological Foundations

Historical Links on the Cultural-Historical Clinic: From the USSR to Contemporary Times

Cultural-Historical Psychology is a current of thought brought up in the former Soviet Union by the soviet psychologist Lev Semenovitch Vygotsky, together with some collaborators, especially Alexander Romanovich Luria and Alexei Nicolaevitch Leontiev. This research group became known as Troika, whose leader was Vygotsky, and so all associates with this group accepted Vygotsky's theoretical leadership, applying his understandings and his postulates in their own research (Martins, Abrantes & Facci, 2016). Cultural-Historical Psychology emerges from Vygotsky's dissatisfaction with the hegemonic theoretical models at his time, sometimes directed towards reductionist and mechanical understandings (reflexology), other times towards eminently abstract and functionalist understandings (psychoanalysis and phenomenology); which was described by Vygotsky in his text *The Historical Meaning of the Crisis in Psychology: A Methodological Investigation* (Vygotsky, 2004).

Vygotsky's psychology also emerges as a response to the needs which came up with the establishment of the unified Soviet Union, or the Union of Soviet Socialist Republics (USSR), under the aegis of Marxist communism; therefore, demanding theoretical bases which take into account man, education and life in society from references linked with this new model of social relationship (Tuleski, 2008). Consequently, Vygotsky built a complex and complete theoretical system in psychology, which could not be subsumed into a single application area of psychology, like when Cultural-Historical Psychology is associated only with the field of education.

Note that Vygotsky conducted clinical intervention activities according to the model at his time, which focused on the problems of pedology and clinical psychopathology, as it can be found in some of his studies (Vygotsky, 1997, 2008a). However, according to what Tuleski (2008) points out, the studies about Cultural-Historical Psychology found certain problems in the Western countries: (a) a resistance to its acceptance because Vygotsky was accused of being a communist — during the 1960s and 1970s, Latin America was experiencing dictatorial governments, and any sign of Marxist theory was immediately rejected and persecuted; (b) a biased translation by the publishers in view of the repressive context previously mentioned — which is why a non-Marxist Vygotsky was made up.

In Brazil, the clinical field of Cultural-Historical Psychology had the contribution of a Cuban (but naturalized Brazilian) psychologist Fernando Luis González-Rey, whose studies brought important elements to think about the theme and have served as basis for clinical reflection on Vygotsky in contemporary times, especially regarding the concept of subjective configuration, which links several others, such as: way of life, meaning core, personal meaning, subjective meaning, etc. (González-Rey, 2007, 2011).

The Constitution of the Subject: Foundations for the Cultural-Historical Clinic

Vygotsky elaborated his theory about the genesis and social nature of psychological processes, considering that man's subjectivation and individuation occur with his insertion in culture. Regarding the genesis and development of psychological processes, Vygotsky and Luria (1996) clarify that there are initial stages of the psyche which are translated into the expression of basic forms of behavior, such as instincts and reflexes. Vygotsky shows that conditioned reflexes give space to increasingly complex forms of behavior and, for the author, consciousness/self-awareness becomes "reflex of reflexes."

The main attribute which distinguishes man from other existing species is the capacity for mental representation. Such representation is defined as the subjective image of objective reality. Hence, subjectivity is the personal apprehension of the concrete conditions placed before humanity. Psychological processes are the basis for the establishment of mental representation, that is, of consciousness. In this sense, Vygotsky (1994) separates psychological processes into higher and lower psychological processes. The second ones are configured as the biological apparatus which the human being is born with, among them: mechanical memory, practical language, sensations, diffuse attention, etc. In short, all functions which have not been culturalized yet.

On the other hand, higher psychological processes are those developed as we interact with the world. They are mediated by culture and cannot be qualitatively identified with lower ones, as they are part of a network of abstraction and generalization favored by language (psychological signs).

For Vygotsky (1994), the constitution of subjectivity and human consciousness takes place in a movement from the interpsychological to the intrapsychological, which means that any human psychological function is primarily in the field of social relations, built in communication and contact with the other; and then it can constitute the subject's internal experience. This process of appropriation of interpsychological aspects is called internalization, what is external becomes internal. However, this relationship with the environment does not take place in a direct, but in a mediated way.

According to Vygotsky (2008b), at the age of 2 and a half or 3 years old, there is a moment when language crosses the genetic path of psychological functions, giving them the possibility of the word, a microcosm of human consciousness. This way, formerly inferior functions are replaced by superior forms of psychological functioning. As examples of these functions are: abstract and generalizing language, logical memory, perception, focused attention. However, it should be noted that the overcoming does not take place by excluding the old functions, but incorporating them into the higher psychological functions, constituting the old ones as a basis for the new ones in a revolutionary process of development.

In a historical-cultural sense of development, Martins et al. (2016) explain that the evolution of the individual goes through periods characterized by dominant activities, which reconfigure the subject's relationship with the environment. For Leontiev (1978), activity is defined as a certain action directed towards a goal achievement, which converges with the needs and present reasons in the psychic dynamics of a specific subject.

The dominant activities guide the individual's energy towards solving problems interposed between them and the environment (Martins et al., 2016). Leontiev (1978) states that, with the change in the individual's main activity during the periods of development, there is a qualitative change in the functions related to consciousness and personality, which move towards syncretic expression for an abstract-scientific understanding of concrete reality, when those functions are preserved and healthy. This way of understanding reality modifies the structure and expression of personality, enabling new delineations of subjectivity and its configurations.

It is already known that language is a superior psychological function with a fundamental role in the regulation of behavior and conduct, with the word as its analysis unit, since it brings together aspects of human consciousness in its microcosm, as Vygotsky (2008b) points out. However, it is necessary to remember that the word is established through the process of elaborating concepts, which, in turn, bring the meanings and senses originated from man's contact with the world. So, concepts are important from a clinical point of view, as some of the regulatory processes of conduct and behavior operate in them.

The concepts, according to their genetic line of development and stimulation for evolution, are the analysis unit which is used to deal with the conflicts that interfere in the individual's relationship with the world. Such a relationship is understood as mediated. For Vygotsky, mediation basically happens through two devices: instruments and signs. The former ones are concrete devices used as a link between the subject and an objective — take as an example a child (subject) who uses a pencil (instrument) to do his homework (objective). The latter ones refer to the semiotic field, to language; they are the psychic instruments, the language systems, which are composed of signifiers, meaning and senses. The concepts sum up into words both the historically constructed meanings and the individual and emotional senses which emerge from human microgenesis (Vygotsky, 2008b).

In some moments, it is possible that the person cannot deal with conflicts, not producing new senses and meanings in their existence and relationship with the environment. Thus, according to Almeida & Schühli (2010), a process of alienation is established in psychic life, where certain psychological functions overlap in relation to others, decompensating the subjective image from the objective reality (concrete-material). In this way, subjectivity is sometimes constituted in a disorganized and disintegrated way.

Cultural-Historical Psychopathology (or pathopsychology, a science developed by Russian psychologist Bluma V. Zeigarnik) starts from the understanding that personality imbalance translates into the disruption of the hierarchy of motives and needs. Thus, sickening actions can be configured as priorities in the dynamics of a subject's life; there is, therefore, a need for interventions which mobilize the senses and meanings around the central/dominant activities of a certain period of the subject's development (Silva & Tuleski, 2015).

The notion of dialectics is strongly relevant to Cultural-Historical Psychology, which, according to Tuleski (2008), allowed Lev Vygotsky to establish the bases of his psychology in materiality, fleeing from sometimes idealistic, sometimes mechanistic understandings. In this way, the author followed specific methodological paths to understand the object of study of his psychology: consciousness (Vygotsky, 2004). Going along with the soviet psychologist's position, we move on to the understanding of the paths taken for the interpretation of the presented clinical case.

Methodological Paths for Investigation and Discussion of the Presented Clinical Case

The present study makes part of a qualitative research spectrum in psychology, so that it focuses on the psychotherapy process itself and also on the details about the used resources and obtained results. The case study is seen as a possibility within the qualitative perspectives of research in psychology. It enables an accurate investigation of processes and results, allowing us to understand aspects such as the effects caused by instruments in psychotherapy, as well as variables which are difficult to measure — such as

the therapeutic bond. The case study is also characterized as a subtype of single case research, which is configured as a naturalistic and flexible investigation strategy (Serralta, Nunes & Elzirik, 2011).

The case study presented here was carried out through the investigation of a subject in psychotherapy monitored over a year at the Applied Psychology Service (APS), a service which was part of a clinical internship discipline at a public university in the state of Ceará. The analyses conducted in this study were documentary, whose sources were the reports, the appointments notes, the patient triage forms, and also other documents in the patient's record at the institution APS.

Regarding the clinical case, it is a 23-year-old male subject. The patient was treated over a year, with 26 psychotherapy sessions, and each one took about 50 minutes. Due to the ethical duty of confidentiality, we will refer to him as "patient" (not his real name). This case was chosen because the patient was very assertive about the time and commitment to psychotherapy, with a very low rate of absences of the sessions, which made it possible to conduct a very continuous process. All interventions and conduct were carried out respecting the health and integrity of the patient, as prescribed by Resolution No. 466/12 of the National Health Council.

Regarding the psychotherapeutic process offered in the APS, it is up to the patient to authorize or not the use of their clinical data for future studies, without any sort of damage in the access of psychotherapy service if the answer is negative. Then, the Applied Psychology Service prepares a document regarding the authorization of the use of data, according to the resolution previously mentioned. Once authorization has been given, the document is filed with the patient's medical record at the APS. According to resolution No. 510/16, clinical information previously authorized for use by patients can be configured as research-study material. In the case explained here, the document was signed and duly authorized.

The Clinical Case: Meanings and Developments in the Production of New Subjective Configurations

As already described, the present psychotherapeutic process took place in the physical space of the APS of a public university in the state of Ceará. Considering the guidelines about research involving human beings, we selected some sessions which were conducted throughout the year. These sessions were arranged into six significant blocks described below. First, a general outline of the clinical case will be presented. Then, the discussion will be carried out through the narrative flow of the presented sessions, which are articulated to theoretical-interpretative aspects of Cultural-Historical Psychology by Vygotsky and collaborators, as well as contemporary productions by authors in the area.

The Case

The patient is a 23-year-old male, undergraduate in humanities course at a public university in Fortaleza. He looked for individual psychotherapy at APS, initially complaining about some pain in the dorsal region, mainly during moments of intense conflict. He also presented an articulate need for self-concept and self-esteem, characterized as dysfunctions in his subjective dynamics, compromising his interpersonal relationships, besides his difficulties in dealing with the demands in college, especially a research laboratory of which he takes part of. Moreover, he reported problems with his nuclear family, due to tensions with his brothers and sisters because he was an adopted child.

Conducts and Interventions in the Cultural-Historical Clinic: The Psychotherapy Experience

The characterization of demand

The process of understanding the demand brought is characterized by going beyond what is initially said by the person, an attitude of investigation and explanation of the dynamic causal basis behind these phenomena — according to the Vygotskian method (Vygotsky, 2004). When looking at the subject's health zones, we noticed that some of the patient's psychological functions were well integrated, such as language and perception. González-Rey (2011) defines health zones as the healthy potential of an individual's psyche, that is, the aspects which remain healthy in an individual's activity. In this case, a strong articulation between the psychological functions of language and perception was noticed, allowing him to use synthesis and abstraction in the analysis of his life history (Vygotsky, 1996).

The Time Dynamic was applied at the beginning of psychotherapy. The technique consists of asking the patients to record in the way they prefer (with dates, sentences, drawings, schemes, etc.) building a timeline with the events they currently consider important in their life. This technique aims to capture how the patient narrates their life story, indicating the main events that compose it; thus, it is possible to verify the place the patients place themselves in the constitution of such events.

Vygotsky (1999) considers that human ontogenesis is similar to a drama, constituted in a scenario with several characters and marked by emotional and cognitive elements, which are articulated forming a single whole. Some meanings and senses emerged with the application of the Time Dynamic: the patient narrated himself in sort of a continuous flow, starting with childhood, and adolescence, reaching adulthood and, finally, returning to adolescence; therefore, there may be a lot of proximity between the last two periods of development in his psychological life.

The patient reported his family was too demanding during his early childhood, although he ever had low grades at school. He also highlighted the fact that he was bullied by his school peers due to his appearance, which negatively affected the way he sees himself. In adolescence, a feeling of dissatisfaction about himself got worse due to a strong

problem with acne, which contributed to his isolation from other groups. Faced with the need for reorganization that adult life brought him, especially regarding university and working life, the patient identified improvements in his ability to communicate and work in a group.

However, due to more demands and tensions, he highlighted that some sensations came up, such as anxiety, feeling the need to bite his nails until they bleed and also pull out hairs. In the following sessions, the Psychotherapy Notebook was adopted as a strategy to avoid intense stress situations, as well re-elaborate the sensations and emotions identified by the patient as anxiety. It was common to ask the patient for activities which focused on the written expression of their inhibiting experiences.

The relationship with the environment

Vygotsky (1994) clarifies that it is in the relationship with the environment (physical and/or personal) that the dynamics between motives and demands take on highly different shapes, since the need for reorganization and restructuring of the activity is placed in the subject's psychic dynamics. As can be seen, the patient's initial complaint was closely related to the resources created by him to deal with the stressors and possible disorganizing elements found in the relationship with the environment — for example, regarding his place in his family.

As previously stated, the patient is an adopted son; this factor causes tensions in his relationship with his siblings. All of them are older than him and attribute most of their elderly parents caretaking to him. His brothers and sisters demand him to take care of his mother, with Alzheimer's, using his condition as an adopted son. In this aspect, he reports some contradictory feelings throughout his experience, because while he feels the duty to take care of his parents, he doesn't think it is fair to take care of most responsibilities. Toassa (2009) points out that the affect-consciousness dynamics presented by Vygotsky is part of the person's subjective experience with the environment in which he is inserted, so that, if this environment is inhibiting, his intra-subjective dynamics may be too, as the patient's case.

Aiming to investigate the way some affections and emotions were interfering in the patient's psychic life, an activity called Life Scenario was conducted with him. It is a resource to understand how the subject's relationship with the environment is set up, identifying the relationship and connection networks between the subject and the elements brought by him and/or between the elements themselves

The activities conducted in Cultural-Historical Psychotherapy are understood as mediating instruments, that is, they are signs which act in the sense of mobilizing reinforced and/or unconscious aspects of the patient's psychic life. According to Vygotsky (1994), mediation is one of the central aspects of the human psyche, allowing movements of appropriation and subjectivation. Thus, it can be said that the psychologist plays a role in mediating the patients' development in psychotherapy.

At another time, taking into account his issues related to the family relationship, the patient was asked to draw their family environment during the session, placing

the main characters in this story. During the activity, the patient demonstrated his ability to reflect on how he felt about his family members, recognizing the need to rethink the limits between himself and the other, defining new borders between his self and the environment (specifically personal in here). On that occasion, it was possible to realize how the insertion of new mediating elements provided new perspectives on himself in his family reality, leading to a change in the way reality can be seen.

The new outlines and configurations of the initial complaint

As the psychotherapy sessions progressed, new subjective arrangements began to take shape and take part on the scene. At first, the action took place on the emergency and symptomatic aspects of the patient's demand, since it is understood that some basic conditions of organization and systematization of psychic life are necessary, aiming that minimum health conditions are strengthened for a patient's psychic balance. As it is known, subjective life takes place through the subjective representation of objective life and psychological functions need to be intact, in order to form a faithful image of this reality. Therefore, we can say that until the 11th session, psychotherapy went around promoting healthy conditions for the production of a more complete mental representation about oneself and the world.

Advances were noticed, especially about the patient's level of awareness and reflection on himself, building new ways of carrying out his narrative flow. There were also significant changes regarding the establishment of limits and boundaries in his relationship with others, whether in the university environment or with his family.

From the new constructions and a stronger bond between therapist and patient, other aspects were revealed. For example, the patient brought up the relationship with his girlfriend. There were two main problems in this relationship reported by him: (a) the difficulty in staying in a relationship with someone showing low volition to build her own professional and personal life, so that the patient refused to "date himself from the past," and (b) difficulty in having sex with his girlfriend, involving body shame during sexual activity.

Regarding the first question, the patient reported that during his adolescence he was a very introspective and isolated person who would hinder the quality of his personal relationships. For him, this tendency towards isolation was due to low self-esteem and a poor concept of himself. Throughout those tensions and demands in his school life, he had low volition to work on his social relationships, preferring life arrangements in which he did not need to be with the others — keeping contact for strictly necessary moments. Making an assessment of the damage suffered during this period of his life, the patient compares his girlfriend's current situation to his past situation.

Regarding the second question, the patient reported there were attempts to have sexual relations with his girlfriend during almost a year; but all of them had failed, mainly due to sensations and emotions described by him as fear and nervousness. He also reported some interest in having sex with his girlfriend, but he stated there was more

interest on her part, even insisting to make it happen. The patient also reported difficulty in having moments of privacy for this, since they both live with their parents.

A timeline activity was then proposed, whose objective was to access the meanings produced by the patient about their sexuality. The patient presented a lot of resistance at first, but later he managed to express some senses about this reality. This ended up revealing new elements: (a) an experience of sexual abuse by school peers when he was around eleven years old, (b) homosexual experiences, both in adolescence and adulthood. Such elements will be discussed in the next session linked to the clinical management adopted and the Vygotskian concept of the zone of proximal development (ZPD).

Intervention in the zone of sexual development zone

Vygotsky (1994) called the level of actual development (LAD) the one the subject has already developed, while he called the level of potential development (LPD) the set of skills which can be learned with the help of the other one. Vygotsky also called the zone of proximal development (ZPD) the distance between these two levels. Why is this discussion important for the case reported? In Vygotskian psychotherapy, it is understood that the subject arrives with some neglected learning potentials, since they do not have psychic resources and mediators to synthesize and elaborate certain experiences in their development. Thus, as the patient does not always have these instruments, the experiences may be elaborated and internalized in a disorganized way.

The patient's case showed certain experiences invaded his experiential and affective levels in an ineffective way, such as the episodes of abuse. Regarding his other sexual experiences, the patient highlighted occasional sexual activity with a girl in high school and a boy who was a relative for three years. In addition to these experiences, he had sexual involvement with a boy at university — an involvement he characterized as not significant. At this point, the patient reported that it was the first time he had talked about his sex life in a deep way, and the first time he was elaborating the abuse and homosexual experiences. Thus these contents were not part of his reflective field, and therefore were not signified. Nevertheless, he was hesitant and confused about how to elaborate his experience, questioning himself about his sexual orientation.

Psychotherapy acted in their zone of proximal development by promoting an activity to enhance awareness of his sexual life, using mediating instruments, such as a set of cards with words related to the theme sexuality/sex life. The aim was to understand the process of elaborating concepts about his sexual identity and promoting new ways to organize his thought and language, based on his point of view about this issue. The cards had the following words: heterosexuality, homosexuality, bisexuality, asexuality, monogamy, polygamy. Luria (1979) emphasizes that language shows how the individual's personal development is set within the culture. Having the word as its unit, language has concepts to understand the delineations of the patient's subjectivity.

In this sense, in addition to understand the conceptual dynamics of the patient, the activity also had a psycho-educational purpose of passing on information about sexual identities and their vicissitudes. First, he was asked to highlight the meanings and senses

captured around the words. Then, he was asked to select the cards which he identified himself; at that moment, the patient chose three cards, according to his experience: heterosexuality, monogamy and bisexuality. After doing the activity, the patient realized that, despite feeling more identified with a sexual performance linked to monogamous heterosexuality, there were future possibilities of building relationships outside this pattern. Here, the role of mediation in the subject's self-regulation is highlighted.

The change in subjective configuration

After identifying the genetic roots in the patient's behavior, the initial symptoms began to fade. Psychosomatic episodes started to happen on rare occasions — pain along the dorsal area was felt every week. Besides, he became more involved and had more active positions concerning not only family decisions, but in his relationship with relatives and in college (especially in relation to the research laboratory he took part in). González-Rey (2007) points out two important concepts for this discussion: way of life and subjective configuration. Subjective configurations are the delineations/outlines of a person's subjectivity which can be seen as result of behavioral patterns internalized by the subject in his/her relationship with the environment, in a way they lead to more or less established actions in certain contexts. These configuration settings are called a way of life.

His new attitude indicates significant changes in the patient's subjective configuration. As an example, he set up a family meeting, where he explained how he felt in his relationship with them and what his role really was in that environment. Moreover, the patient came up with a new family schedule, sharing chores and errands among all the siblings. From the appropriation of new symbols, it is evident there was a greater awareness of reality and his role in changing it. This awareness constituted a resource to act in their reality as an effective subject.

For Vygotsky (2004) it does not make sense to think of man as a stratified/split/fragmented being, but rather as a sum of biological, affective, cognitive, and other aspects. The author even proposed to consider the psychological aspect in this sense too; in other words, the perspective of a whole being is so strong in Cultural-Historical Psychology that talking about psychology is to identify them with all the factors which make up the genetic aspects of development (Vygotsky, 1929/2000). Thinking about subjectivity in Soviet psychology is rethinking psychology itself.

In the patient's case, it is possible to observe a state of splitting of psychic life, so both affective and cognitive complexes were separated, neglected. In this sense, Fler, González-Rey and Veresov (2017) state about the importance that experience (*perezhivanie*) takes on thinking about the human integrity in Cultural-Historical Psychology; emotions are psychological functions with a higher character, and they provide significant shapes to the representation of the mental imagery. So, psychopathological configurations — typical of affective-emotional blunting — are formed without emoticns. In this sense, it is important to state that when he felt these aspects coming into harmony, the patient showed some sort of weirdness, since there was no need to be constantly vigilant. Then, therapy can handle the new reality on its way.

The discharge process

The discharge process took place in the last three sessions in a dialogical and dialectical manner — the way the whole process was characterized — so that the discharge considers the patient's participation and active decision. Thus, as the demands became less constant, the possibility of discharge was pointed out to the patient, who agreed with it. In this way, some unfinished issues in his psychological drama were brought back, so that they could be addressed during his last psychotherapy sessions.

The patient highlighted some issues he would like to be included in the final interventions of his psychotherapeutic process: (a) the future, (b) “Who can I talk to?” In this sense, the following sessions aimed at the adjacent questions indicated by the patient. Finally, the last session was devoted to the evaluation of psychotherapy by both parts. The following resources were used along the discharge sessions: (a) the sentence completion, which presented the beginning of sentences and the patient could finish them (the sentences explored the perspectives for the future), (b) the life scenario, focusing on aspects of relationships experienced in the present, and also building networks. The last session was devoted to the synthesis of the main advances, emphasizing the relational dimension of psychotherapy.

Conclusion

Lev Vygotsky's Cultural-Historical Psychology is a complex and complete system in Psychology that has applicability in the most varied areas of psychological activity, among them the clinic — which exhibits typical challenges of modernity. That is why it is a naive mistake to subsume Vygotskian psychology to restricted fields of psychological knowledge, since this has been done with his educational and school psychology — as Tuleski (2008) points out. The psychological clinic corresponds to a fruitful space to think about the postulates and considerations of Soviet psychology, being able to contribute a lot in the face of new subjective arrangements and possibilities.

The case study as a research modality is quite common in Cultural-Historical Psychology, a fact observed in Luria's longitudinal studies (1973). It is worth remembering that this type of research within a qualitative perspective allows us to look more closely at the psychological object, understanding the several connections which make it up in their movement. As a result, the case study allows the unveiling of the process and uses which composes psychotherapy; in this case, with a cultural-historical basis. In this sense, some initiatives are realized, such as the ones by Arrais (2005) and Oliveira, Goulart and González-Rey (2017).

Regarding the clinical case conducted, the patient was very involved with psychotherapy during the whole process, having a great attendance rate to the sessions, as well as high responsiveness related to the activities adopted throughout the entire psychotherapeutic period. The patient's demand/complaining evolved considerably, changing from psychosomatization of stressful elements in back pain to a balanced

sexual life and greater self-knowledge, expanding the potential for learning about himself — in other words, expanding the psychological functions of consciousness and self-awareness. Therefore, there was a greater integration of the cognitive and affective aspects. As Vygotsky (1994) had already considered, developmental zones are psychological spaces that can be expanded in a healthy way when learning situations are well managed. The therapeutic space is structured as a dialogical locus of learning, leading to the integration of psychic elements which were previously ill.

In the meantime, language has been configured as one of the potent ways for clinical action towards the illness process established in the patient's psychic dynamics. Vygotsky (2008b) states that multiple elements come together in language, from cognitive to affective-emotional processes, constituting a possibility of understanding the health-disease relationship of the subjective configuration of the patient.

In conclusion, we point out the need for more productions on Cultural-Historical Psychology in the clinical field, prioritizing empirical research methods, since the work of the soviet psychologist Lev Vygotsky is recognized as an harmonic movement between theory and practice, as well as his co-workers Alexander Luria and Alexei Leontiev. In the meantime, we must highlight the studies and research carried out in Ceará and other Brazilian states, in order to expand and strengthen the scope of the cultural-historical approach in psychology. As a guideline for future research, there is the investigation of subjective configurations in other health-illness conditions; in addition, more detailed studies on the instruments used in the Historical-Cultural Clinic should be carried out.

References

- Almeida, M. R. de & Schühli, V. M. (2010). *Psicopatologia e Psicologia Sócio-Histórica: notas preliminares* [Psychopathology and Socio-Historical Psychology: Preliminary notes]. Anais do IX Congresso Internacional de Salud Mental y Derechos Humanos. Buenos Aires: Madres de la Plaza. [In Portuguese]
- Arrais, A. da R. (2005). *A configuração subjetiva da depressão pós-parto: para além da padronização patologizante* [The subjective configuration of postpartum depression: Beyond pathologizing standardization] (Doctoral dissertation). Brasília: Universidade de Brasília. Available from: <https://repositorio.unb.br/handle/10482/14011> [In Portuguese]
- Clarindo, J. M. (2020). *Clínica Histórico-Cultural: caracterizando um método de atuação em psicoterapia* [Historical-Cultural Clinic: Characterizing a method of acting in psychotherapy] (Doctoral dissertation). Fortaleza, Ceará: Universidade Federal do Ceará2. Available from: <http://www.repositorio.ufc.br/handle/riufc/56643> [In Portuguese]
- Fleer, M., González-Rey, F., & Veresov, N. (Eds.) (2017). *Perezhivanie, Emotions and Subjectivity: Advancing Vygotsky's Legacy*. Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-4534-9_1
- González-Rey, F. (2007). *Psicoterapia, subjetividade e pós-modernidade* [Psychotherapy, subjectivity and post modernity]. São Paulo: Thomsom. [In Portuguese]

- González-Rey, F. (2011). *Subjetividade e saúde: superando a clínica da patologia* [Subjectivity and health: Overcoming clinical pathology]. São Paulo: Ed. Cortez. [In Portuguese]
- Leontiev, A. N. (1978). *Atividade, consciência e personalidade* [Activity, consciousness, and personality]. Marxists Internet Archive. Available from: http://www.marxists.info/portugues/leontiev/1978/activ_person/index.htm [In Portuguese]
- Lima, P. M. de, & Carvalho, C. F. de (2013). A Psicoterapia Socio-Histórica [The Socio-Historical Psychotherapy]. *Psicologia: ciência e profissão*, 33(spe), 154–163. Retrieved from: <https://www.scielo.br/j/pcp/a/V3bMjf9VW6H8sDDRdfNwfDB/?lang=pt> [In Portuguese]
- Luria, A. R. (1973). *La mente de um mnemonista* [The mind of a mnemonist]. Madrid: Taller de Ediciones JB. [In Portuguese]
- Luria, A. R. (1979). *Curso de Psicologia Geral: linguagem e pensamento* [General psychology course: Language and thought]. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira. [In Portuguese]
- Marangoni, S. F. S. (2007). *A mediação da palavra e do brincar na psicoterapia com crianças* [The mediation of words and play in psychotherapy with children] (Masters dissertation). São Paulo: Universidade São Marcos. Available from: <https://docplayer.com.br/8928202-Simone-de-freitas-silva-marangoni-a-mediacao-da-palavra-e-do-brincar-na-psicoterapia-com-criancas.html> [In Portuguese]
- Martins, L. M., Abrantes, A. A., & Facci, M. G. D. (2016). *Periodização histórico-cultural do desenvolvimento psíquico: do nascimento à velhice* [Historical-cultural periodization of psychic development: From birth to old age]. Campinas: Autores Associados. [In Portuguese]
- Mészáros, I. (2011). *A crise estrutural do capital* [The structural crisis of capital] (2nd ed.). São Paulo: Boitempo. [In Portuguese]
- Nunes, S. A. N., Fernandes, M. G., & Gutierrez, A. J. C. (2014). Fundamentos teórico-epistemológicos da Teoria Histórico-Cultural: implicações para a psicologia do desenvolvimento infantil [Theoretical-epistemological fundamentals of Cultural-Historical Theory: Implications for child development psychology]. *Psicologia Argumento*, 32(76), 161–172. <http://dx.doi.org/10.7213/psicol.argum.32.076.AO11> Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/276236928_Fundamentos_teorico-epistemologicos_da_Teoria_Historico-Cultural_implicacoes_para_a_psicologia_do_desenvolvimento_infantil [In Portuguese]
- Oliveira, A. M. do C. de, Goulart, D. M., & González Rey, F. L. (2017). Processos subjetivos da depressão: construindo caminhos alternativos em uma aproximação cultural-histórica [Subjective processes of depression: constructing alternative paths upon a cultural-historical approach]. *Fractal: Revista de Psicologia*, 29(3), 252–261. <https://doi.org/10.22409/1984-0292/v29i3/1411> [In Portuguese]
- Portela, M. A. (2008). A crise da psicologia clínica no mundo contemporâneo [The crisis of clinical psychology in today's world]. *Estudos de Psicologia*, 25(1), 131–140. <https://doi.org/10.1590/S0103-166X2008000100013> [In Portuguese]
- Serralta, F. B., Nunes, M. L. T., & Eizirik, C. L. (2011). Considerações metodológicas sobre o estudo de caso na pesquisa em psicoterapia [Methodological considerations concerning case studies in psychotherapy research]. *Estudos de Psicologia*, 28(4), 501–510. <https://doi.org/10.1590/S0103-166X2011000400010> [In Portuguese]

- Silva, M. A. S. da, & Tuleski, S. C. (2015). Patopsicologia Experimental: abordagem histórico-cultural para o entendimento do sofrimento mental [Experimental abnormal Psychology: Historical-cultural approach to understanding mental suffering]. *Estudos de Psicologia*, 20(4), 207–216. <https://doi.org/10.5935/1678-4669.20150022> [In Portuguese]
- Toassa, G. (2009). *Emoções e vivências em Vigotski: investigação para uma perspectiva histórico-cultural* [Emotions and experiences in Vygotsky: Research for a historical-cultural perspective] (Doctoral dissertation). São Paulo: Instituto de Psicologia da Universidade de São Paulo. Available from: <https://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/47/47131/tde-19032009-100357/pt-br.php> [In Portuguese]
- Tuleski, S. C. (2008). *Vygotski: a construção de uma psicologia marxista* [Vygotsky: The construction of a Marxist psychology] (2nd ed.). Maringá: Eduem. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (1994). *A formação social da mente* [The social formation of mind]. São Paulo: Martins Fontes. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (1996). *El desarrollo de los procesos psicológicos superiores* [The development of higher psychological processes]. Barcelona: Crítica. [In Spanish]
- Vygotsky, L. S. (1997). *Diagnóstico do desenvolvimento e clínica pedológica da infância difícil: esquema de investigação pedológica* [Developmental diagnosis and pedological clinic of difficult childhood: Pedological investigation scheme]. In L. S. Vygotski (Auth.), *Obras Escogidas, Tomo 5: Fundamentos de defectología* (pp. 275–338). Madrid: Visor. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (1999). *A tragédia de Hamlet, príncipe da Dinamarca* [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]. São Paulo: Martins Fontes. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (2004). *O significado histórico da crise da psicologia: uma investigação metodológica* [The historical meaning of the crisis in psychology: A methodological investigation]. In L. S. Vygotski (Auth.), *Obras Escogidas, Tomo 1: Teoria e método em psicologia* (pp. 203–417). Madrid: Visor. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (1929/2000). Psicologia concreta do homem [Concrete psychology of man]. *Educação e Sociedade*, XXI(71), 21–44. <https://doi.org/10.1590/S0101-73302000000200002> [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S. (2008a). Thought in schizophrenia (Trans. Achilles Dellari Junior). In J. Valsiner & R. Van Der Veer (Eds.), *The Vygotsky reader* (pp. 313–326). Oxford, UK; Cambridge USA: Basil Blackwell. Retrieved from: http://lhc.ucsd.edu/mca/Mail/xmcamail.2008_07.dir/att-0052/vygotski_esquizo.pdf
- Vygotsky, L. S. (2008b). *Pensamento e linguagem* [Thought and language]. São Paulo: Martins Fontes. [In Portuguese]
- Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1996). *Estudos sobre a história do comportamento: símios, homem primitivo e criança* [Studies in the history of behavior: Apes, primitive man and child]. Porto Alegre: Artes Médicas. [In Portuguese]

About the authors:

Oliveira Neto José da Silva, Master's degree in Psychology, Ceará Federal University (UFC), Fortaleza, Ceará, Brazil; Cultural-Historical Clinical Psychology Specialist, University of Quixeramobim (UNIQ), Quixeramobim, Ceará, Brazil; <https://orcid.org/0000-0002-5125-3513>; jn100995@gmail.com

Lima Ana Ignez Belém, PhD in Psychology, Adjunct Professor, University of Santiago de Compostela, Santiago de Compostela, Spain; Ceará State University (UECE), Fortaleza, Ceará, Brazil; <https://orcid.org/0000-0001-6106-9229>; ana.belem@uece.br

Melo Aline Guilherme de, Master's degree in Education Ceará State University (UECE), Fortaleza, Ceará, Brazil; <https://orcid.org/0000-0001-6276-8523>; alinemelo.psi@hotmail.com

Clarindo Janailson Monteiro, PhD in Psychology, Ceará Federal University (UFC), Fortaleza, Ceará, Brazil; <https://orcid.org/0000-0001-5196-5177>; janailson21@gmail.com

Oliveira Artur Bruno Fonseca de, PhD in Education, Ceará State University (UECE), Fortaleza, Ceará, Brazil; <https://orcid.org/0000-0002-0080-4733>; arturbrunofo@gmail.com

Об авторах:

Оливейра Нето Жозе да Силва, магистр в области психологии, Федеральный университет Сеара (UFC), Форталеза, Сеара, Бразилия; специалист по культурно-исторической клинической психологии, Университет Киксерамобим (UNIQ), Киксерамобим, Сеара, Бразилия; <https://orcid.org/0000-0002-5125-3513>; jn100995@gmail.com

Лима Ана Игнез Белем, доктор наук в области психологии, адъюнкт-профессор, Университет Сантьяго-де-Компостела, Испания; Государственный университет Сеара (UECE), Форталеза, Сеара, Бразилия; <https://orcid.org/0000-0001-6106-9229>; ana.belem@uece.br

Мело Алине Гильерме де, магистр в области образования, Государственный университет Сеара (UECE), Форталеза, Сеара, Бразилия; <https://orcid.org/0000-0001-6276-8523>; alinemelo.psi@hotmail.com

Клариндо Жанаилсон Монтейро, доктор наук в области психологии, Федеральный университет Сеара (UFC), Форталеза, Сеара, Бразилия; <https://orcid.org/0000-0001-5196-5177>; janailson21@gmail.com

Оливейра Артур Бруно Фонсека де, доктор наук в области образования, Государственный университет Сеара (UECE), Форталеза, Сеара, Бразилия; <https://orcid.org/0000-0002-0080-4733>; arturbrunofo@gmail.com

SCIENTIFIC LIFE

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Отчет о научном докладе «Особенности дистанционной работы нейропсихолога»

Мария Владимировна Зиннатова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Scientific Report *Features of the Neuropsychologist Remote Work*

Mariya V. Zinnatova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Для цитирования: Зиннатова, М. В. (2022). Отчет о научном докладе «Особенности дистанционной работы нейропсихолога». *Lurian Journal*, 3(3), 43–46. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.3

To cite this article: Zinnatova, M. V. (2022). Scientific Report *Features of the Neuropsychologist Remote Work*. *Lurian Journal*, 3(3), 43–46. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.3

Аннотация. В статье приведен отчет о научном докладе «Особенности дистанционной работы нейропсихолога», который был представлен 17 ноября 2022 г. на круглом столе «Ответы нейропсихологии на вызовы цифровой трансформации», организованном журналом «Lurian Journal» в рамках Международного конгресса «Л. С. Выготский и А. Р. Лурия: культурно-историческая психология и вопросы цифровизации в социальных практиках» (г. Новосибирск), посвященного памяти доктора психологических наук, профессора Жанны Марковны Глозман.

Ключевые слова: дистанционное взаимодействие; нейропсихолог; цифровизация; нейропсихологическая помощь

Abstract. The article presents a scientific report *Features of the Neuropsychologist Remote Work*, which was delivered on November 17, 2022 at the round-table discussion *Neuropsychology's Responses to the Challenges of Digital Transformation* organized by the Lurian Journal staff within the framework of the International Congress L. S. Vygotsky and A. R. Luria: Cultural-

Historical Psychology and Issues of Digitalization of Social Practices (Novosibirsk). It was dedicated to the memory of Doctor of Psychology, Professor Janna Markovna Glozman.

Keywords: *remote interaction; neuropsychologist; digitalization; neuropsychological assistance*

Современная ситуация в мире, вызванная ориентацией на цифровизацию, выдвигает новые требования в области оказания нейropsychологической помощи населению. Нейropsychологи столкнулись с необходимостью решения традиционных нейropsychологических задач в нетрадиционном формате — дистанционно и с использованием цифровых технологий. С другой стороны, цифровизация (использование цифровых устройств) существенно увеличила нагрузку на головной мозг человека, что привело к оформлению нового вектора нейropsychологических исследований (Glozman, 2022; Loureiro & Cardoso, 2022; Nemeth & Capps, 2022).

Цифровизация базируется на использовании цифровых технологий, переносе большинства процессов в сферах общественной жизни в онлайн-среду, характеризуется высокой скоростью внешних изменений, ускорением взаимодействия и развитием его дистанционных форм, а также увеличением разрыва в цифровых знаниях между поколениями.

Под эгидой журнала «Lurian Journal» был проведен опрос практикующих нейropsychологов (14 специалистов психологических центров Свердловской области выступили в роли экспертов), целью которого было определение отношения данных специалистов, с учетом их профессионального опыта, к дистанционному формату нейropsychологической работы. Ответы участников опроса были разделены на две группы — положительные и отрицательные характеристики, которые приведены ниже.

Положительные характеристики дистанционного нейropsychологического взаимодействия, отмеченные экспертами:

- повышение доступности нейropsychологической консультации, помощи (при проживании клиента в другой стране или невозможности очного присутствия);
- экономия ресурсов (прежде всего временных);
- наличие компьютеризированных программных комплексов нейropsychологической диагностики, коррекции, реабилитации, которые могут быть применены в ходе дистанционной нейropsychологической практики;
- значительная вовлеченность родителя, например, при дистанционной нейropsychологической диагностике;
- возрастание роли клиента (родителя) в процессе нейropsychологической помощи, который может быть не готов к принятию данной ответственности.

Отрицательные характеристики дистанционного нейropsychологического взаимодействия, отмеченные экспертами:

- проявление деструктивных эффектов вследствие использования цифровых устройств в процессе нейропсихологического взаимодействия;
- технические проблемы (например, перебои со связью);
- искажение поступающей информации вследствие удаленного контакта;
- отсутствие правовых основ организации дистанционного нейропсихологического взаимодействия;
- ограниченность применения техник нейропсихологической помощи, реабилитации в дистанционном режиме;
- снижение фасилитационной функции нейропсихолога;
- неэффективность дистанционной формы взаимодействия при оказании нейропсихологической помощи детям с тяжелыми формами патологических состояний;
- отказ родителей от дистанционного формата взаимодействия с нейропсихологом.

В завершение доклада было отмечено, что согласно мнению специалистов в области нейропсихологии:

- дистанционный формат лучше, чем отсутствие нейропсихологической помощи;
- при наличии возможности желательно использовать смешанный формат нейропсихологической работы (очный и дистанционный);
- дистанционная нейропсихологическая работа на сегодняшний день не может полноценно заменить очное взаимодействие;
- изменяющаяся реальность породила острую потребность в разработке правовых основ организации дистанционной нейропсихологической помощи, коррекции и реабилитации.

Литература

- Glozman, J. M. (2022). Digital Communication in Neuropsychology. *Lurian Journal*, 3(1), 47–61. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2022.3.2.4>
- Loureiro, V. da S., & Cardoso, F. B. (2022). The Impact of Emergency Remote Teaching on Teachers' Perceptions of Learning Difficulties in the Context of Neuropsychopedagogics. *Lurian Journal*, 3(2), 25–33. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2022.3.2.2>
- Nemeth, D. G., & Capps, C. (2022). Digitalization of Personality Adaptations During COVID-19. *Lurian Journal*, 3(2), 11–24. <https://doi.org/10.15826/Lurian.2022.3.2.1>

Оригинал статьи получен 19 ноября 2022

Исправленная статья принята 10 января 2023

Об авторе:

Зиннатова Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедре педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9297-7294>; mashaperv@rambler.ru

About the author:

Zinnatova Mariya V., PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-9297-7294>; mashaperv@rambler.ru

YOUNG SCIENTIST

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ

Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов разных национальностей

Анастасия Анатольевна Ефимова

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия

Psychological and Pedagogical Support of the Upbringing Activities of Fathers of Different Nationalities

Anastasia A. Efimova

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Для цитирования: Ефимова, А. А. (2022). Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов разных национальностей. *Lurian Journal*, 3(3), 49–57. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.4

To cite this article: Efimova, A. A. (2022). Psychological and Pedagogical Support of the Upbringing Activities of Fathers of Different Nationalities. *Lurian Journal*, 3(3), 49–57. doi: 10.15826/Lurian.2022.3.3.4

Аннотация. Проблемы воспитательной деятельности отцов разных национальностей представляют собой особый интерес для педагогической психологии, поскольку роль отца в семье и воспитании ребенка трудно переоценить, вне зависимости от возраста, пола и национальности. Поэтому необходимо реализовать систему поддержки воспитательной деятельности отцов в виде психолого-педагогического сопровождения. Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов ориентирует воспитание на развитие ребенка как субъекта общения, субъекта деятельности, субъекта самосознания. В статье представлена программа психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов разных национальностей (русской, украинской, татарской, армянской, азербайджанской), раскрыто содержание каждого этапа.

Ключевые слова: воспитательная деятельность; отцовство; психолого-педагогическое сопровождение

Abstract. The problems of the upbringing activities of fathers of different nationalities are of particular interest to educational psychology, since the role of the father in the family and the upbringing of the child can hardly be overestimated, regardless of age, gender and nationality. Therefore, it is necessary to implement a system to support the upbringing activities of fathers — psychological and pedagogical support. Psychological and pedagogical support of the upbringing activities of fathers focuses on the development of the child as a subject of communication, a subject of activity, a subject of self-consciousness. The article presents a program of psychological and pedagogical support for the upbringing activities of fathers of different nationalities (Russian, Ukrainian, Tatar, Armenian, Azerbaijani), the content of each stage of support.

Keywords: *upbringing activity; fatherhood; psychological and pedagogical support*

Введение

Многонациональность, поликультурность современной образовательной среды, многозадачность направлений воспитания подрастающего поколения актуализируют включение в образовательную деятельность всех субъектов образования, в том числе и семью. Практический опыт педагогов-психологов в системе образования показывает рост конфликтов семьи и школы, основной причиной которых являются национальные особенности воспитания, прежде всего приоритетные ценности, стиль воспитания и отношений родителей с детьми (Агре, 2021). Исходя из традиционного представления структуры семьи (Дружинин, 2012), культурно-исторических закономерностей (Кон, 2000), в исследовании воспитательных особенностей необходимо опираться на деятельность отца как более властной и влиятельной фигуры.

Воспитательная деятельность отца представляет собой «систему информационно-инструментального взаимодействия отца с ребенком, согласованность звеньев которой определяет развитие ребенка как субъекта самосознания, субъекта общения и субъекта деятельности» (Токарева, 2011, с. 8). С точки зрения отечественных (И. С. Кон, Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева) и зарубежных (B. Barker, D. McDonald, S. Thompson) авторов, именно отец выступает в семье в качестве связующего элемента системы, и его участие в воспитании детей носит устойчивый характер, влияющий как на личностные, так и на социальные стороны их развития; информационно-инструментальная позиция отца определяет его решающее значение в социальном развитии ребенка школьного возраста (Васягина, Ельцова, 2020; Овчарова, 2005; Токарева, 2011).

Проблема психолого-педагогической поддержки воспитательной деятельности отца посредством вовлечения родителя в обучающие мероприятия представляет собой новое направление педагогической психологии. Современные отцы проявляют большую заинтересованность во взаимодействии с ребенком и в то же время их контакты бедны и неэффективны. Психологи, педагоги, матери констатируют

педагогическую некомпетентность, неумелость отцов, неспособность выполнять воспитательные функции. Современному отцу сложно эффективно вести себя по отношению к ребенку, так как для этого нужны определенные умения и навыки, которых у него нет. Отцу явно недостает информации, в которой бы четко и однозначно, в соответствии с особенностями мышления мужчины, говорилось о том, как вообще возможно контактировать с ребенком и на что следует обращать внимание, осуществляя воспитательные воздействия (Баранова, 2014; Токарева, 2011). Используемые родителями стратегии и тактики семейного воспитания должны учитывать возраст ребенка, например, то, что является допустимым в отношении ребенка дошкольного возраста, может быть недопустимым в отношении ребенка младшего школьного возраста. Особую значимость семейное воспитание приобретает, когда ребенок достигает младшего школьного возраста, поскольку этот период является сензитивным к усвоению нравственных норм, требований и правил, от качества и содержания закладываемых воспитательных норм в данном возрасте будет зависеть результат, проявляющийся в отдаленной перспективе, когда младший школьник станет осознанным юношей и продемонстрирует особенности своего социального развития (Пец, 2019).

Для того чтобы получить компетентного родителя, нужно его научить быть эффективным и успешным во взаимодействии с ребенком, наиболее подходящей формой для этого выступает психолого-педагогическое сопровождение (Казаева, Токарева, Саванникова, 2020), под которым мы понимаем «процесс взаимодействия специалиста и психически здоровых людей, направленный на создание условий для личностного развития, формирование необходимых компетенций и поддержку в сложных жизненных ситуациях» (Адушкина, Лозгачёва, 2017, с. 10).

Методы

На разных этапах психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста приняли участие 552 человека: 238 отцов разных национальностей — русской (48 чел.), украинской (47 чел.), татарской (47 чел.), армянской (49 чел.), азербайджанской (47 чел.) (выбор данных национальностей обусловлен их масштабной представленностью в исследуемом регионе, респонденты состояли в межнациональных/национальных браках, возраст детей участников исследования варьировал от 7 до 12 лет), 238 матерей, 14 детей младшего школьного возраста, 11 педагогов-психологов, 43 педагога, 3 педагога дополнительного образования, 1 заместитель директора по внеклассной и внешкольной воспитательной работе, 2 педагога-организатора, 2 социальных педагога. В процессе реализации психолого-педагогического сопровождения использовались теоретические методы (теоретический анализ психолого-педагогической литературы: обобщение, сравнение, систематизация), эмпирические методы (психодиагно-

стические, психолого-педагогический эксперимент), методы обработки и интерпретации результатов (методы математической статистики; сравнительный анализ).

Методики: анкета «Особенности семейного воспитания» (Ю. А. Токарева, А. А. Ефимова), методики «Мотивационно-потребностная сфера отцовства» (МПСО) (Ю. А. Токарева), «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), «Измерение родительских установок и реакций» (PARY — Parental Attitude Research) (Е. С. Шефер, Р. К. Белл, адаптация Т. В. Нещерет), опросник «Типы воспитания детей» (А. И. Баркан), методика комплексной экспресс-диагностики социально-педагогической запущенности детей и подростков (МЭДОС) (Р. В. Овчарова).

Процедура и результаты

Психолого-педагогическое сопровождение воспитательной деятельности отцов детей школьного возраста разных национальностей включало 4 этапа:

1-й этап — диагностический: исследование структурно-содержательных особенностей воспитательной деятельности отцов разных национальностей, определение группы отцов, воспитательная деятельность которых отклоняется от модели «идеальной» воспитательной деятельности в мотивационно-потребностном и исполнительном компонентах.

2-й этап — информативно-коммуникативный: просветительские и консультативные мероприятия.

3-й этап — деятельностный: комплексная деятельность педагога-психолога, педагогов, социальных педагогов, отцов, их детей, матерей, направленная на согласованность целей воспитания семьи и школы, способствующая социальному развитию ребенка школьного возраста и включающая реализацию развивающей программы, участие отцов (совместно с детьми) в различных школьных мероприятиях.

4-й этап — рефлексивный: определение степени достижения цели реализации программы сопровождения и динамики изменений в компонентах воспитательной деятельности отцов.

На основе результатов *диагностического этапа* психолого-педагогического сопровождения в каждой национальной группе были определены отцы, воспитательная деятельность которых отклоняется от модели идеальной воспитательной деятельности. Модель идеальной воспитательной деятельности отца ребенка младшего школьного возраста, согласно исследованию Ю. А. Токаревой, характеризуется: в мотивационно-потребностном блоке — стремлением к созданию условий для развития ребенка и достижению им высоких результатов, раскрытию его возможностей и способностей; в исполнительном блоке — эмоциональным принятием ребенка, наличием позитивных чувств и реакций, стремлением к контакту, доверием к ребенку, его силам и возможностям, удовлетворенностью отноше-

ями, адекватным контролем и умением воздействовать на поведение, состояние ребенка и проявлением эмпатии по отношению к нему; в контрольно-оценочном блоке — высоким уровнем развития ребенка как субъекта самосознания, субъекта общения и субъекта деятельности. Результаты представлены в *табл. 1*.

Таблица 1

Доля отцов, воспитательная деятельность которых отклоняется от модели «идеальной» в отношении детей младшего школьного возраста, %

Компонент воспитательной деятельности	Показатель	Национальность				
		русская	украинская	татарская	армянская	азербайджанская
Мотивационно-потребностный	Достижение успехов в развитии ребенка	6.3	6.4	23.4	42.9	46.8
Исполнительный	Потворствующая гиперпротекция	79.2	68.1	63.8	79.6	87.2
	Оптимальный эмоциональный контакт	47.9	72.3	70.2	72.5	70.2
Контрольно-оценочный	Субъект самосознания	60.4	51.1	31.9	28.5	51.1
	Субъект общения	66.7	55.3	53.2	22.4	38.8
	Субъект деятельности	37.5	27.7	42.5	53.1	57.4

Результаты диагностического этапа показали, что отцы русской национальности имеют выраженную потребность в социальном одобрении своих отцовских действий, поэтому они активно взаимодействуют со своими детьми, проявляют чрезмерную заботу по отношению к ребенку, стремятся ускорить его развитие, но их дети имеют низкий уровень коммуникативной активности, низкий социальный статус и неадекватную самооценку. Отцы украинской национальности активно взаимодействуют с ребенком, доминируя и подчиняя его своей воле и власти, при этом чрезмерно вмешиваются в мир ребенка, подавляют его волю, их дети имеют низкий уровень коммуникативной активности, низкий социальный статус и неадекватную самооценку. Отцы татарской национальности имеют выраженную потребность в демонстрации ребенку своих сильных личностных качеств, при этом подавляют волю ребенка, их дети отличаются низкой коммуникативной активностью, нарушениями в учебно-познавательной активности, несформированностью осознанности и целенаправленности обучения. Отцы армянской национальности имеют выраженную потребность в достижении высоких результатов в сфере соб-

ственного развития за счет реализации себя в роли отца и в проявлении власти, решительности, при этом проявляют по отношению к ребенку излишнюю строгость, их дети имеют трудности с формированием мотивации учения, нарушения в учебно-познавательной активности, неадекватную самооценку. Отцы азербайджанской национальности имеют выраженную потребность в достижении высоких результатов в сфере собственного развития за счет реализации себя в роли отца и в проявлении власти, решительности, при этом проявляют по отношению к ребенку излишнюю строгость, их дети имеют трудности с формированием мотивации учения, нарушения в учебно-познавательной активности, неадекватную самооценку (см. также: Ефимова, 2022).

На *информативно-коммуникативном этапе* проводились групповые консультации («Психологические особенности младшего школьника», «Общение с ребенком. Секреты успеха», «Роль отца в воспитании и развитии личности», «Стили семейного воспитания»), индивидуальные консультации (по запросу родителя), встречи с «успешными» отцами, которые делились своим родительским опытом (практическая направленность является необходимой составляющей, поскольку для мужчин важно ориентироваться на результат и заранее знать направление деятельности), оказывалось содействие в выборе форм досуговой деятельности с ребенком.

Деятельностный этап предполагает комплексную деятельность педагога-психолога, педагогов, социальных педагогов, отцов, их детей, матерей, направленную на согласованность целей воспитания семьи и школы, способствующую социальному развитию ребенка школьного возраста и включающую реализацию развивающей программы по участию отцов (совместно с детьми) в различных школьных мероприятиях. Содержание данного этапа программы представлено в *табл. 2*.

Основной организационной формой деятельностного этапа программы является тренинг. Тренинг рассчитан на 15 занятий по 2 часа, распределенных на 4 модуля.

В состав экспериментальной группы вошли 14 отцов: 6 отцов русской национальности с высоким уровнем мотива самореализации в детях, с излишней концентрацией на ребенке; 2 отца украинской национальности с высоким уровнем мотива самоутверждения, для которых характерна излишняя концентрация на ребенке; 2 отца татарской национальности с высоким уровнем мотива самореализации в детях, воспитание по типу «Кумир семьи»; 2 отца армянской национальности и 2 отца азербайджанской национальности с высоким уровнем мотива самоутверждения, для которых характерна эмоциональная дистанция в отношениях с ребенком.

Первый модуль «Я — отец» (1–3-е занятие); цель — оптимизация мотивационно-потребностного компонента воспитательной деятельности. Задачи, решаемые на данном этапе:

- 1) расширение сферы представлений о собственной родительской роли;
- 2) развитие самоуважения и самопринятия себя как родителя;
- 3) создание условий для стремления мужчин к реализации личностного потенциала в отцовстве.

Таблица 2

Учебно-тематическое планирование деятельностного этапа программы психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов

Время проведения	Тема	Форма	Цель	Ответственные
Октябрь — февраль	Отцы и дети	Тренинг	Оптимизация потребностно-мотивационного и исполнительного компонентов воспитательной деятельности отцов	Психолог
Ноябрь	День матери	Праздничный концерт	Накопление позитивного родительского опыта, развитие интереса к совместному времяпрепровождению с ребенком	Педагоги, отцы
Февраль	День защитников Отечества	Квест	Накопление позитивного родительского опыта	Педагоги, социальный педагог, психолог
Март	День поэзии	Конкурс чтецов	Развитие интереса к учебной деятельности ребенка, накопление позитивного родительского опыта	Педагоги, отцы
Май	День Победы. «Герои моей семьи»	Классный час	Накопление позитивного родительского опыта, оптимизация родительско-детского взаимодействия	Педагоги, отцы

Второй модуль «Эффективное отцовство» (4–6-е занятие) — направлен на формирование позитивного отношения к отцовству.

Задачи данного этапа:

- 1) расширение представлений об эффективном отцовстве;
- 2) формирование установки на освоение эффективного отцовства.

Третий модуль «Знакомство со своим ребенком» (7–12-е занятие) — направлен на развитие навыков взаимодействия отца с ребенком. Задачи, решаемые на данном этапе:

- 1) получение знаний о возрастных особенностях ребенка;
- 2) формирование мотивации на познание своего ребенка;
- 3) развитие навыков конструктивного поведения в различных ситуациях взаимодействия с ребенком.

Четвертый модуль «Папа + ребенок = команда» (13–15-е занятие), при участии матерей. Модуль направлен на поддержку мотивации отцов в совершенствовании своей родительской роли и закрепление навыков взаимодействия отца с ребенком. Задачи, решаемые на данном этапе:

- 1) направление внимания отцов на позитивную динамику их воспитательной деятельности в процессе прохождения тренинга;
- 2) подведение итогов, закрепление полученных знаний и навыков.

Результаты рефлексивного этапа психолого-педагогического сопровождения воспитательной деятельности отцов продемонстрировали динамику изменений в мотивационно-потребностном и исполнительном компоненте воспитательной деятельности (на основе t -критерия Стьюдента, $p < .01$). В ходе контрольного среза был использован тот же психодиагностический инструментарий, что и на этапе констатирующего исследования. В контрольной группе статистически значимые изменения не обнаружены.

Заключение

Анализируя изменения, произошедшие в результате реализации программы, можно констатировать, что отцы армянской и азербайджанской национальностей в процессе взаимодействия с детьми стали меньше проявлять авторитарность по отношению к своему ребенку и больше прислушиваться к его желаниям и нуждам; отцы русской, украинской и татарской национальностей стали адекватнее относиться к желаниям своего ребенка, удовлетворяя действительно важные потребности ребенка и предоставляя при этом ему большую самостоятельность. Мы предполагаем, что изменения в мотивационно-потребностном и исполнительном компоненте воспитательной деятельности могут повлиять на изменения и в контрольно-оценочном компоненте, поскольку развитие ребенка носит отсроченный характер. Важно отметить, что в ходе реализации программы изменения произошли и в системе детско-родительских отношений: по наблюдению матерей, отцы стали проявлять интерес к воспитанию своих детей и активнее проводить время с ними.

Литература

- Агре, Н. В. (2021). Ценности и смыслы современных детей: что дают семья и школа. *Вестник образования*, 1–5. URL: <https://vestnik.edu.ru/main-topic/natalia-agre-tsennosti-i-smysly-sovremennykh-detei-chto-daiut-semia-i-shkola/print>
- Адушкина, К. В., Лозгачёва, К. В. (2017). *Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования* [Учебное пособие]. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/7498/1/uch00209.pdf>

- Баранова, Е. В. (2014). Значение отца для развития ребенка. *Журнал практического психолога*, 3, 58–63.
- Васягина, Н. Н., Ельцова, И. В. (2020). Особенности отражения образа отца в современной российской ментальности. *Педагогическое образование в России*, 5, 137–145. <https://doi.org/10.26170/po20-05-16>
- Дружинин, В. Н. (2012). *Психология семьи* (3-е изд.). Москва, Санкт-Петербург: Питер.
- Ефимова, А. А. (2022). Воспитательная деятельность отца как фактор социального развития ребенка младшего школьного возраста. *Психология образования в поликультурном пространстве*, 2(58), 105–112. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-58-2-105-112>
- Казаева, Е. А., Токарева, Ю. А., Саванникова, Н. С. (2020). Особенности психолого-педагогического сопровождения родителей в условиях инклюзивного образования. В кн.: Б. М. Игошев (Ред.), *Стратегические ориентиры современного образования* (ч. 3, с. 203–208). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. <https://doi.org/10.26170/Kso-2020-264>
- Кон, И. С. (2000). *Этнография родительства*. Москва: Академия.
- Овчарова, Р. В. (2005). *Психология родительства* [Учебное пособие]. Москва: Academia.
- Пец, О. И. (2019). *Психолого-педагогические условия продуктивного развития психологической компетентности родителей младших школьников* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук). Хабаровск.
URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008703609?page=2&rotate=0&theme=white
- Токарева, Ю. А. (2011). *Психология отцовства как воспитательная деятельность* [Монография]. Санкт-Петербург: Астерион.

Оригинал статьи получен 2 августа 2022

Исправленная статья принята 10 января 2023

Об авторе:

Ефимова Анастасия Анатольевна, старший преподаватель, кафедры психологии, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-6350-376X>; Efimova27@mail.ru

About the author:

Efimova Anastasia A., Senior Lecturer, Department of Psychology, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-6350-376X>; Efimova27@mail.ru

Scientific edition

Научное издание

Lurian Journal

2022. Vol. 3. No. 3

Editor *Natalia Chapaeva*
Layout designer *Vladislav Matveev*
Cover design *Vladislav Taskaev*

Редактор *Наталья Чапаева*
Верстка *Владислав Матвеев*
Дизайн обложки *Владислав Таскаев*

Free price
Release date 13.03.2023.
Format 70 × 100 1/6. Acc. publ. p. 4,2. Cond. print. p. 4,8.
Font Minion Pro, Myriad Pro.
Offset paper. Number of printed copies 300. Order № 35.

Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Printed in Ural Federal University Publishing Centre
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Phone: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Fax: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<https://print.urfu.ru>

Цена свободная
Дата выхода в свет 13.03.2023.
Формат 70 × 100 1/6. Уч.-изд. л. 4,2. Усл. печ. л. 4,8.
Гарнитура Minion Pro, Myriad Pro.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 35.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<https://print.urfu.ru>

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

This image shows a full page of blank, lined paper. It features approximately 20 evenly spaced horizontal grey lines across its entire width, providing a guide for handwriting or typing. The paper itself is a clean, off-white color.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.